

русский авантюрный роман

ВЛАДИМИР
КУНИЦЫН

Спецназ

Его Императорского Величества

Владимир Анатольевич Куницын
Спецназ его императорского величества
Серия «Русский авантюрный роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128895
Спецназ его императорского величества / Куницын В.А.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-8000-7

Аннотация

В 1803 году Наполеону пришла в голову идея создать секретное подразделение для выполнения специальных деликатных задач. По сути, это была первая диверсионная группа, созданная под личным управлением императора. Командиром спецгруппы был назначен Луи Каранелли, корсиканец, сосед императора по Аяччо.

Корнет Николай Данилов, потомок княжеского рода, служит в драгунском полку во время кампании 1805 года и становится свидетелем убийства генерала Шмита и неудачного покушения на Багратиона, совершенных Каранелли. Николай догадывается, что все это не случайно. Он пытается рассказать сослуживцам, даже подает рапорт командованию, но его поднимают на смех. Однако загадочные события продолжают, и Данилов начинает собственное расследование...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	29
Глава четвертая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Куницын

Спецназ его императорского величества

Глава первая Кремс

I

Осень выдалась теплой и сухой. Уже невысоко поднимающееся над горизонтом ноябрьское солнце ласково освещало желтые клены, еще по-летнему сочную траву, темную воду Дуная, степенно текущую к морю. Тридцатипяти тысячная армия Кутузова переправилась через реку, отделив себя от неприятеля водной преградой, и наконец получила небольшую передышку. Почти две недели русские отступали, стремясь оторваться от наполеоновских, втрое превосходящих войск.

Кутузов спешил соединиться с войсками, идущими из России. Попавшаяся на пути дивизия Мортье была раздавлена корпусом изнуренных солдат, боевой дух которых не сломило ни многодневное отступление, ни снег, столь неожиданно выпавший накануне сражения. Мало того, захваченное знамя французской дивизии подняло этот дух еще выше. Везде царило приподнятое настроение, громкий смех раздавался повсюду, заставляя забыть о голоде, мокром снеге и дрянной одежде, плохо спасающей от холода.

Главкомандующий тоже радовался – поле боя осталось за его армией. Конечно, перевес русских был велик, но стойкий миф о том, что банная рота наполеоновской армии может справиться с дивизией любого противника, остался в прошлом. Первая победа за всю кампанию. Но два обстоятельства несколько омрачали радостное событие. Не только Мортье, но и многим французам удалось ускользнуть, избежать пленения, а главное – погиб Шмит, австрийский генерал при русской армии, к которому Михаил Илларионович относился с большой симпатией. Как-то глупо, от шальной пули. И на рожон не лез. Впрочем, пуля – дура.

Но несмотря на победу положение армии Кутузова оставалось практически безнадежным. То ли по недомыслию нижних чинов, то ли по удачному стечению обстоятельств, венский мост был взят французами без боя. Теперь две армии, французская из Вены и русская из Кремса, спешили в Цнайм. Русские – чтобы уйти на Ольмюц, на соединение с подходящими подкреплениями, французы – чтобы не дать им ускользнуть. В этой гонке Кутузов практически не имел никаких шансов – дорога наполеоновской армии короче и лучше. Тогда он предпринял отчаянный маневр.

Сорок верст через горы по мокрым травянистым склонам за одну ночь преодолел отряд Багратиона, чтобы перерезать дорогу, по которой шли французы. Четыре тысячи человек и две батареи заняли маленький австрийский городок Голлабрун на несколько часов раньше противника. Мюрат, командующий авангардом, принял отряд Багратиона за всю армию и стал дожидаться подхода основных сил, чтобы наверняка сокрушить русских.

Наполеон стоял в двадцати верстах в Шенбрюнне. Он ждал. Ему нужно было идти вперед, но он ждал. Гонец доставил послание от Мюрата. Принц писал, что перехитрил противника, договорившись о перемирии, и теперь ничто не мешает подтянуть резервы и уничтожить армию Кутузова. Император понимал, что никакой армии в Голлабруне быть не может, а только случайный отряд. Он отправил ответное письмо, где попенял на нерадивость

Мюрата, дающего себя легко обмануть, приказал немедленно атаковать позицию противника, а сам продолжил ждать. Как ни трудно в это поверить, но император ждал в заранее оговоренном месте капитана от кавалерии Луи Каранелли. Капитан опаздывал.

Пожертвовать пешку в шахматной партии для того, чтобы добраться до короля противника, мог любой хороший шахматист. Использовать дивизию вместо пешки мог только сильный император. Но жертва оказалась напрасной: дивизия погибла, а король соперника не пострадал.

Когда Каранелли привез Мортье приказ императора идти на Кремс, чтобы перерезать дорогу, по которой отступал Кутузов, тот поспешил по узенькой полоске земли между Дунаем и Богемскими горами навстречу русским. Он и не подозревал, что главная задача в этом маневре возложена на адъютанта императора – капитана Луи Каранелли.

II

– Расскажи все по порядку! Не спеша и подробно.

Император удобно расположился в кресле возле камина – ночи уже были холодными. Каранелли, сероглазый шатен немного выше среднего роста, с густыми бровями, не только сидел в присутствии императора, что мог себе позволить далеко не каждый генерал. Он пил с ним коньяк, прихлебывая темно-янтарную жидкость маленькими глотками.

– Сначала все шло по плану. Маршал Мортье предпринял стремительный бросок и смог перехватить Кутузова около Кремса. Дюпон шел следом и должен был поддерживать Мортье. Дивизия пошла в атаку прямо с марша, и довольно успешно. Перевес русских не сказывался, узкий фронт не давал им атаковать всеми силами. Нам удалось выбрать подходящую позицию – маленький овражек, замаскированный кустами, хороший обзор на холм, куда, несомненно, должен перебраться командный пункт русских после того, как они начнут теснить Мортье.

Каранелли сделал небольшую паузу, отхлебнул коньяк из пузатого фужера.

– Потом все неожиданно переменилось. С гор прямо в тыл дивизии ударили русские. По счастью, они не вели артиллерийского огня, а то все было бы кончено в полчаса. Наверное, они не смогли протащить через горы пушки. Но удар оказался сокрушительным. Нам пришлось покинуть выбранную позицию. Русские все спускались и спускались с гор. В бой шли новые полки. Наши порядки смяли, оттеснили к реке.

– А Дюпон? – голос Наполеона никак не выдавал, что ему неприятно признавать гениальность русского маневра.

– Дюпон бросился в атаку на войска, отрезавшие Мортье. Но русские перешли к обороне. И очень успешной, ваше величество. С одной стороны они сдерживали Дюпона, а с другой – не давали уйти из-под удара Мортье.

– Кто командовал отрядом русских?

– Не знаю. Думаю, что Багратион. Хотя я его не видел.

– Пожалуй... Хорошо, дальше.

– Наступили сумерки, русские усилили натиск со стороны Кремса, подтянув артиллерию. Мортье послал драгун в атаку, стремясь вырваться из кольца и уйти на соединение к дивизии Дюпона. Их отбили ружейными залпами. В третьей попытке драгуны наконец смогли добраться до русских, но практически все были уничтожены, схлестнувшись с сомкнутым строем пехоты.

Капитан снова замолчал. Император не торопил, казалось, задумался о чем-то совсем постороннем.

– После того как пришлось уйти из оврага, мы маневрировали, не вступая бой, но никак не могли занять удобную позицию. Стало понятно, что добраться до Кутузова не получится,

мы оказались намного ближе к отряду, который спустился с гор, чем к полкам, идущим из Кремса. Я принял решение стрелять по командиру ближайшего отряда.

– Это правильное решение. Я поступил бы так же или отказался от выстрела совсем.

– Нужную точку нашли в стороне, почти в расположении русских. Но уже наступила темнота. Заметить нас было трудно, но и стрелять становилось почти невозможно.

– Какова дистанция выстрела?

– Не знаю. Я поставил прицел на восемьсот шагов. Сделал три выстрела по офицеру в белой форме, потому что другие мундиры рассмотреть не мог.

– Австрийский генерал?

– Да, ваше высочество.

– Ты попал?

– Да, но случайно. Просто повезло.

– Мне не докладывали о гибели австрийского генерала. В армии отвратительно работают лазутчики. Хорошо, рассказывай дальше.

Наполеон сделал глоток, повернул голову в сторону капитана.

– Мы разобрали ружье, сняли прицел и пошли в сторону Дуная. В темноте ничего нельзя было разглядеть, хотя бой не утихал. Один раз нас окликнули солдаты неприятеля. Я ответил им по-русски, и нас оставили в покое.

– Да, я помню, твой русский безупречен. Это очень важно, Луи. В России любой поручик понимает по-французски, а у нас пленных иногда допросить некому.

– Мы добрались до реки, забросили детали ствола и прицел в воду. Потом на берегу нашли лодку. В это время Мортье, собрав все силы в кулак, пошел на прорыв. А я с двумя лейтенантами потихонечку переплыл Дунай. Еще двое моих солдат пошли с Мортье. Про них ничего пока не знаю.

– Где твои офицеры?

– Отдыхают. Есть какое-нибудь задание?

– Будет утром. Сегодня сообщил Мюрат, что вся русская армия стоит в Голлабруне. Конечно, он ошибся, но там кто-то есть. Я дал ему приказ срочно атаковать русских. Но до сих пор нет доклада о победе. Видно, что-то не заладилось у него. Подозреваю, что отряд, с которым он не может справиться, тоже возглавляет Багратион.

– Он не успел бы. Слишком длинный путь от Кремса до Цнайма, а потом еще и до Голлабруна. Это какие-то передовые дивизии армии, идущей из России.

– Нет. Из Ольмюца русские не выходили. Кутузов сейчас туда торопится. А отряд он отправил прикрыть отход. Напрямую через горы.

Наполеон не ошибся, отряд действительно пришел через горы, и командовал им Багратион. Может, потому, что он редко ошибался, Европа, создавая коалицию за коалицией, терпела нескончаемую череду поражений? Но, видимо, императору было бы очень неприятно узнать, что удар в тыл Мортье нанес не Багратион, а неизвестный ему генерал-лейтенант Дмитрий Сергеевич Дохтуров, который впервые участвовал в деле против французов.

– Завтра ты отправишься к Мюрату, передашь письменный приказ создать тебе необходимые условия. Требуй все, что понадобится. Помни, ты окажешь Франции величайшую услугу, если Багратион больше не станет участвовать в кампании.

– Я понял, ваше величество.

– У тебя еще есть дальнобойный штуцер?

– Да, последний.

– Этого достаточно пока. А с завтрашнего дня ты уже не будешь моим адъютантом. Да, я помню, что сам тебя назначил, когда перевел сюда. Но в адъютантах ты слишком уж на виду. Мне этого не хотелось бы. Получишь назначение командовать гвардейской императорской ротой снабжения. Специального секретного снабжения! – Бонапарт с нажимом произ-

нес последние слова. – После этого у тебя не будет проблем с доставкой и хранением оружия и приспособлений. Как вернешься – сразу займешься формированием роты и пополнением запасов оружия. Хотя... я еще подумаю. Может, тебя следует спрятать еще дальше. Ладно! Иди спать, завтра у тебя нелегкий день.

III

Снег, разгоняемый ветром, летел с перевала, и словно не снег это был вовсе, а какой-то сказочный поток жестких белых колючек, несущихся вдоль земли. Внизу шел дождь, вымочивший отряд насквозь. Темноглазый юноша ничем не выделяющегося роста – Николай Данилов, корнет, коих в российской армии можно насчитать не одну тысячу, закутывался в мокрый плащ, стараясь хоть немного защититься от ледяного пронизывающего ветра, пытающегося, кажется, заморозить саму душу.

У перевала Николай спешился, конь не мог везти седока. Даже хорошо подкованные лошади скользили по крутой мокрой траве, покрытой тонким снежным покрывалом. Прямо перед Даниловым шла батарея конной артиллерии, и солдаты помогали лошадям затаскивать на перевал орудия и повозки с зарядными ящиками.

«Как же тяжело им сейчас!», – подумал Николай, с трудом различая в ночной мгле за завесой снега человеческие фигуры. Он хотел помочь, подставить плечо под упрямую, не желающую ползти вверх повозку, но побоялся отпустить повод лошади и только уперся ладонью левой руки в свободное место на задней жерди, по-прежнему держа узду правой. Но стоило только надавить всем весом, как ноги соскользнули, и Николай упал на колено.

– Ваше благородие, – темный силуэт стоящего рядом канонира терялся в снежном круговороте, – идите, мы уж сами. Оно-то тяжело с непривычки орудия таскать. Идите, идите тут недалеко ужо.

На перевале ветер усилился. Почему-то подумалось, что если бы такой ветер дул когда-нибудь в имении под Дорогобужем, то старые дубы и сосны в лесу просто бы вырвало с корнем. Николай медленно продвигался по широкой седловине перевала, пригнувшись к земле. В руке он по-прежнему держал повод лошади, которая, подражая хозяину, также пробиралась вперед, низко опустив туловище.

Сразу за перевалом все стихло. Это было удивительно. Только что валяющий с ног ветер свистел в ушах и вдруг тишина, прерываемая всхрапыванием лошади да негромким звоном металла впереди. Корнет взобрался на коня. Снег по-прежнему шел, но уже не колючий, а мягкий, пушистый, какой-то медлительный, тихо оседающий на землю.

Длинная ноябрьская ночь не собиралась сдаваться, но почему-то чувствовалось, что она уже на исходе, что до рассвета осталось не больше двух часов. Организм, бешено боровшийся с холодом там, на перевале, восполняя уносимое ветром тепло, продолжал работать в том же режиме. Николай согрелся, а щеки, которым досталось больше всего, даже немного горели. Мерный ритм покачивающегося седла клонил в сон. Но стоило Данилову лишь закрыть глаза, как сразу начинал сниться позавчерашний бой. Тот самый, в котором русские одержали убедительную победу, но ставший для корнета чуть ли не символом личного позора.

Милорадович по приказу Кутузова выдвинулся навстречу Мортье, весело и бесшабашно идущего в атаку. Дохтуров со своим отрядом пошел в обход, через горы. Показывать дорогу вызвался австрийский генерал-квартирмейстер Шмит. Видимо, решил, что на родине заблудиться невозможно. В результате отряд застрял в густом лесу, непроходимом для лошадей и артиллерии. Дохтуров, слыша звук боя внизу у Дуная, принял решение оставить артиллерию и кавалерию, с одной пехотой пролез через бурелом и зашел в тыл к французам.

Штыковой атакой русские полки, катящиеся с гор, вышибли французов из городка на берегу, названия которого Николай даже не запомнил. Потому, что перед самой атакой произошло такое ужасное событие, при одном воспоминании о котором становились горько и обидно.

Бросив коня в лесу на попечение эстандарт-юнкера, Данилов устремился вслед за уходящей пехотой. Он успел вовремя – полки как раз строились в колонны. Дохтуров отдавал последние указания.

– Вас, господин генерал, – сказал он, обращаясь к Шмиту, – прошу занять позицию на наблюдательном пункте.

Генерал-лейтенант указал на высокий холм, взметнувшийся над долиной.

– Оттуда вам будет отлично видно поле боя. Стройте в колонны всех отставших и направляйте следом. А вы, корнет, – Николай вдруг увидел, что Дохтуров смотрит прямо на него, – останетесь при генерале.

С холма действительно открывался прекрасный вид. Далеко на востоке шла перестрелка между передовыми отрядами Мортье и Милорадовича. Еще дальше были видны колонны подходящих русских войск. Внизу, прямо под ногами, французы, выбитые из деревни, отступали под ударами русских полков. Ловушка захлопнулась. Дохтуров уже приступил к организации обороны, понимая, что Мортье некуда деваться, кроме как атаковать его отряд. Артиллеристы, пришедшие вместе с пехотой в пешем строю, готовили позицию для трех пушек, отбитых у врага.

Николай стоял на наблюдательном пункте и кусал губы, чтобы не расплакаться. Это был его бой, первый настоящий бой, а не какой-нибудь выдуманный или учебный. Как радовался он, выпускник Пажеского корпуса, добившись назначения в Московский драгунский полк! Все уже знали, что тот отправится в Австрию в составе корпуса Кутузова.

Офицерская служба Данилова началась месячным маршем по пыльным дорогам Силезии и Моравии. Потом пришли вести о поражении австрийцев под Ульмом, вступивших в сражение с Наполеоном, не дождавшись подхода войск Кутузова. И началось отступление. Две недели корпус шел усиленным маршем, пытаясь оторваться от преследующей французской армии. Арьергардом командовал Багратион, которому и пришлось принять участие во всех схватках, сдерживающих французов, а колонна под командованием Дохтурова шла в авангарде. Каково? Авангард отступающей армии. За полтора месяца службы на войне корнет Николай Данилов не принял участие ни в одной, даже самой незначительной, стычке с врагом. И вот теперь, когда участие в настоящем деле становилось реальным, его вдруг отправили на наблюдательный пункт.

Французы, оказавшись в мешке и осознав ужас своего положения, сразу же прекратили давление на войска Милорадовича. Но теперь уже он сам, укрепившись подошедшими полками, начал методично выдавливать противника к деревне, занятой отрядом Дохтурова. Мортье отдал приказ драгунам разорвать кольцо окружения.

Сверху Николай видел, как по неширокому ровному участку низины, раскрашенной пятнами мокрого грязного снега, разгонялись три-четыре эскадрона, нацеливаясь в центр позиции Дохтурова. Пехотинцы смыкали ряды, готовясь отразить удар. С двухсот шагов прицельно ударили картечью все три орудия, имеющиеся в распоряжении русских. Драгун попадало так много, что казалось, что каждая картечина нашла цель. А когда до французов оставалось не более сотни шагов, дружно ударил залп первой линии пехоты и почти сразу за ним – второй. Ружейный огонь смешал ряды атакующих эскадронов, убитые и раненые лошади падали, сбрасывая седоков. Несущиеся следом всадники налетали на упавших и, падая сами, создавали гигантскую кучу-малу, в которой эскадроны драгун теряли главные козыри – стремительность атаки. Медленно движущиеся из-за того, что приходилось объезжать тела людей и лошадей, всадники представляли отличные мишени для пехоты, где

первая линия уже успела поменять свои ружья на заряженные, поданные из задних рядов. Ответные выстрелы драгун ничего не могли изменить, они лишь свидетельствовали, что атака захлебнулась.

Около половины французов все-таки доскакали на расстояние прицельного пистолетного выстрела, но в это время русские батальоны бросились вперед, несущаяся людская масса смяла и без того уже расстроенные ряды драгун.

Французы наносили удар узким клином, пытаясь прорвать оборону русских на позиции, занимаемой одним батальоном, но это не удалось, не потребовалась даже помощь резервной роты, спешно выдвигающейся к точке возможного прорыва.

Соседние батальоны стремительно пошли вперед, охватывая эскадроны, и французы, опасаясь окружения, отступили.

Радостное возбуждение охватило солдат, возвращающихся по приказу офицеров назад к деревне и восстанавливающих линию обороны. Улыбки расцветали даже на лицах раненых, которых товарищи бережно отводили к развернутому около одного из домов перевязочному пункту.

Весь бой виден был Николаю как на ладони. Как же хотелось ему туда, в первую линию, чтобы в безумной штыковой атаке сметать и опрокидывать французские эскадроны! Но по прихоти генерала он сейчас оставался сторонним наблюдателем, расположившись в безопасном месте, там, куда даже не долетали шальные пули. Как же ненавидел в этот момент Данилов Дохтурова! От обиды наворачивались слезы, корнет отвернулся, чтобы никто не мог увидеть его глаза. Теперь он смотрел на запад и в свете предзакатного солнечного луча, прорвавшегося сквозь низкие тучи, увидел какое-то шевеление, там, далеко, почти у самого изгиба Дуная.

Николай решительно подошел к Шмиту и вежливо, но с каким-то вызовом попросил подзорную трубу. Генерал формировал очередной батальон, не разбирая вырвавшихся наконец из леса артиллеристов, кавалеристов и пехотинцев. Оторвавшись на секунду, он посмотрел на корнета пронизательными серыми глазами. Кажется, Шмит понял состояние Данилова, потому что улыбнулся, тихонечко, лишь самыми уголками губ, и без слов отдал трубу.

– Французы! Подкрепление!

Николай громко закричал, разглядев мундиры приближающихся гусар. Шмит сразу встрепнулся, могло показаться, что он ждал этого вскрика или чего-нибудь подобного. Почти минуту изучал обстановку в подзорную трубу, взятую у Данилова.

– Дюпон! – Шмит проговорил лишь одно слово.

Генерал подобрался, движения приобрели стремительность, даром, что квартирмейстер. Он остановил немолодого рыжеусого унтер-офицера, только что вышедшего из леса вместе с десятком рядовых, и попытался объяснить, что нужно передать Дохтурову. Унтер-офицер не понимал по-немецки.

– Разрешите отправиться с донесением, – Николай почувствовал: вот он, его шанс.

– Вы хотите оставить меня без переводчика, корнет? В таком случае лучше с донесением идти мне. Переведите приказ – найти генерала Дохтурова и доложить о приближении корпуса Дюпона.

Голос Данилова даже не дрожал, он смирился. Первый бой придется быть наблюдателем. Такие карты бросила судьба, последний шанс растаял, как снежинка на ладошке.

Все дальнейшее напоминало урок для молодых генералов. Дохтуров встретил Дюпона Вятским полком, пушки по-прежнему были направлены против Мортье. Генерал полагал, что загнанная в ловушку дивизия подобна раненому зверю. Милорадович, между тем бросая в бой все новые силы, заставлял Мортье обороняться, а не собирать колонны для прорыва.

Дохтуров, зажатый между двумя французскими дивизиями, не терял присутствия духа. Дюпону, несмотря на значительный перевес в силах, мешала теснота долины. Мортье не

мог провести решительную атаку, не повернувшись к Милорадовичу спиной. Русский отряд, конечно, мог уйти в горы той дорогой, которой пришел. Но он и не собирался отходить! Отбиваясь ружейным огнем и штыками от нападающих французов, русские полки, казалось, вросли в этот кусок ровной земли между водой и горами.

Незаметно подкрались сумерки. Николай ничего не видел, кроме вспышек выстрелов, но по ним нетрудно было определить, что прорвать позиции русских врагу не удалось. Шмит смотрел в трубу, но, судя по тому, как долго он вглядывался в темноту, ничего рассмотреть не удалось.

Труба выпала из руки, и это случилось так буднично, что корнет ничего не понял. Просто генерал опустил руку – и выскользнувшая труба с глухим стуком упала на землю. Он сначала медленно наклонился к Данилову, потом, словно передумав, резко качнулся в другую сторону, потому что ноги подкосились, и Шмит, разом ставший грузным и мешковатым, сел на землю. Он замер на секунду, потом опрокинулся на спину, неловко поджав ноги. Последней неестественно далеко откинулась рука, та самая, которая несколько секунд назад держала трубу, словно хотела покинуть хозяина, но в последний момент передумала.

Николай не попытался помочь, хотя и стоял рядом, только удивленно смотрел, ничего не понимая, даже когда разглядел, как около уха медленно расплывается кажущееся черным пятно. Тогда ему даже не пришла мысль, что пуля могла попасть и в него. Он просто стоял над генералом – первым человеком, убитым на войне рядом с ним.

IV

Серый мглистый рассвет застал отряд Багратиона, потерявшего около трети солдат отставшими в горах, когда тот уже спустился со снега. Какое это удивительное зрелище! Словно кто-то нарисовал идеально ровную горизонтальную линию по склонам гор и выкрасил все, что выше, в белый цвет. Низкие, лижущие вершины рваные темные облака медленно ползли с запада. Внизу у реки в утреннем тумане, таком обычном для ноября в этих местах, прятались маленькие австрийские деревни и дорога – та самая, которую отряд должен оседлать, по которой нельзя пропустить врага.

Драгунский полк, в котором служил Данилов, по приказу Кутузова переданный Багратиону, смог совершить переход практически без потерь. Николай был уверен, что теперь, когда он ушел из-под командования Дохтурова, судьба будет благосклонна. Там, где Багратион, там бой, там победа! А уж он, корнет Данилов, можно не сомневаться, покажет себя настоящим русским офицером! Он видел, как, стоя на пороге избы, перекрестил Кутузов в спину уходящего Багратиона. Нетрудно догадаться – дело ожидалось тяжелое. Так может, это и к лучшему? Появится настоящая возможность проявить себя. Два дня прошло, а Николай все еще мучился, вспоминая последний бой. Как будто это он не уберег австрийского квартирмейстера. У него и дел-то не было, кроме как при генерале переводчиком состоять.

Данилов неожиданно почувствовал, как неуловимая мысль скользнула в голову. Что-то не так. Николай никак не мог ухватить нить размышлений, но чувство, что не все понятно в гибели Шмита, не давало покоя.

Русские успели в Голлабрун раньше французов. Князь Багратион оказался достойным учеником Суворова, славящегося блестящими маневрами и немыслимыми переходами. Усилия оказались не напрасными, в награду досталась возможность подготовиться к обороне. Измотанные ночным переходом люди оборудовали позиции для батарей, строили укрепления, готовили места бивуаков.

Опоздавшие французы не бросились сразу в бой и, не зная численности противника, стали дожидаться подхода главных сил. Мюрат, командующий авангардом, решив обмануть русских, затеял переговоры, но в итоге оказался обманутым сам, дав время на передышку.

V

Московский драгунский полк, согласно диспозиции, находился на самом краю правого фланга. Противников разделяла маленькая речушка, которую в пору называть ручьем. Рядом с драгунами на крутом холме, возвышающемся над местностью, стоял Киевский пехотный полк, внизу в ложине, почти у самой речки – еще один. В центре, напротив австрийской деревни Шенграбен, расположилась одна из батарей, прикрываемая двумя батальонами пехоты. На левом фланге, плотно примыкая к центру, занимали позиции Азовский пехотный и Подольский егерский полки. Замыкали фланг гусары Павлоградского полка.

Атака французов, впятеро превосходящих русский отряд, шла на обоих флангах по одинаковому сценарию, – одна колонна атаковала пехотные полки, другая обходила их. В центре, после того как русская батарея подожгла Шенграбен, создав тем самым большие проблемы французам, против нее выкатили десять орудий, и артиллерийская перестрелка продолжалась несколько часов. На левом фланге наполеоновские полки легко смяли и обратили в бегство русскую пехоту, гусары не могли действовать успешно из-за многочисленных оврагов и кустарника, и только чудо в лице одной роты, ударившей во фланг французам из леса, спасло положение. Удалось остановить бегущие батальоны, перестроить их боевые порядки и организованно отступить.

Главный удар, однако, Мюрат решил нанести по высоте, занятой Киевским полком. После того как гранаты и ядра проредили русские цепи, французы спустились к реке, и дым от ружейных выстрелов заполнил ложину.

Драгуны стояли в боевом строю. Данилов понимал, что они не пойдут в атаку вниз, к реке – слишком крутой склон для кавалерии – и потому, ожидая скорую схватку, следил за колонной, охватывающей по широкой дуге фланг русских. Но он не мог знать замысел Багратиона, который построил сражение так, чтобы Мюрат не мог применить кавалерию – сильнейший род войск в его авангарде.

Когда не выдержавшие давления пехотинцы, расположенные в ложине, начали отступать к позициям Киевского полка, Багратион уже прибыл на правый фланг. Именно здесь, на склоне крутого холма, он рассчитывал нанести ответный удар. За четверть часа до этого адъютант командующего привез приказ драгунам – отойти в лес и спешиться.

Николай не мог поверить, услышав команду. Багратион приказывал ему, корнету Данилову, выйти из боя! В этот момент жгучая боль обиды не давала понять, что ни Дохтурову, ни Багратиону не было ни малейшего дела до переживаний одной боевой единицы, драгунского корнета Николая Данилова. Генералы руководили полками, в крайнем случае, батальонами или эскадронами, и то, что два дня назад Дохтуров лично обратился к корнету, редкая случайность. Но горькие мысли о несправедливой судьбе, о полной никчемности в походе захлестнули юношу. Слезы потекли сами собой и, если бы конь, увлекаемый общим строем, не пошел вместе с полком, то Николай бросился бы на землю и, закрыв голову руками, плакал навзрыд.

Багратион, гениально определив точку решающей схватки, обменял неучастие в сражении драгунского полка на всю кавалерию Мюрата, которая теперь ничем не могла помочь пехоте, наступающей на правом фланге русских. Лично перестроив разбитый у реки полк, командующий бросил его в атаку вместе с гренадерами Киевского полка и двумя батальонами егерей, подоспевшими из центра. Скатившись по склону, русская пехота штыковой атакой опрокинула наступающие полки и преследовала французов до самого дна ложины. Картина боя резко изменилась. Над колонной, обходящей правый фланг русских, нависла реальная угроза окружения, и она поспешно начала отодвигаться назад. На левом фланге Азовский и Подольский полки, хотя и отступили, но сохранили боевые порядки. Окружен-

ные было павлоградские гусары с боем прорвались и теперь по-прежнему прикрывали фланг пехоты. В центре батарея все еще вела огонь. На правом фланге можно было развить успех, бросив на отступающую французскую колонну драгун и отрезав им пути отступления гренадерами. Но в этом скрывался большой риск: если бы Мюрат смог быстро подтянуть резервы и ударить по гренадерам, то правый фланг оказался бы разбитым, и русским не удалось избежать поражения.

Командующий дал приказ об общем отступлении. Порученцы поскакали на позиции. День клонился к закату, новых атак ожидать не приходилось, французам нужно оправиться от неудачи. Багратион выполнил задачу, даже без донесения он знал, что обозы Кутузова прошли Цнайм и дорога на Ольмюц свободна. Теперь нужно просто уйти на соединение с главнокомандующим.

Корнет Николай Данилов принял участие в двух победных сражениях, ни разу не выстрелив, не взмахнув палашом.

VI

Поспать Каранелли не удалось. Вскоре в сопровождении двух лейтенантов и солдата он скакал по ночной дороге к Голлабруну. Весь груз пришлось везти офицерам. Один из солдат, отправившихся позавчера с Мортье на прорыв, лежал в лазарете, раненный в шею, другой, который сейчас ехал с капитаном, получил удар в спину, но, к счастью, не штыком, а прикладом.

Капитан торопился, нужно попасть в расположение авангарда до рассвета, чтобы передать Мюрату приказ Наполеона прежде, чем тот начнет действовать.

Принц встретил Каранелли довольно холодно. Конечно, он знал: капитан – личный адъютант Бонапарта, причем довольно странный, часто надолго покидающий свиту. К тому же земляк Наполеона, и император заметно благоволил ему. Но то, что было написано в письме, задело его до глубины души.

«Принцу Мюрату. Шенбрюнн, 26 брюмера 1805 г. 4 часа ночи.

Я очень огорчен и не могу найти слова, чтобы выразить вам мое неудовольствие. Несмотря на мой вчерашний приказ, я до сих пор не получил донесения о разгроме русского отряда, преградившего дорогу Великой армии в районе Голлабруна. Русский корпус Кутузова из-за ваших нерешительных действий ускользнул из ловушки, и все плоды победы под Ульмом потеряны.

Теперь, когда время упущено и нет смысла в немедленных атаках неприятеля, вы должны помочь моему адъютанту, капитану Луи Каранелли, выполнить крайне важную для Франции миссию. Не расспрашивайте его ни о чем, а выполняйте все просьбы, как мои.

Наполеон».

Мюрат, раздосадованный письмом, смотрел на Каранелли недобрым взглядом, и Луи понял – расположения принца ему вряд ли удастся когда-нибудь добиться.

– Какие будут распоряжения? – в голосе Мюрата звучал едкий сарказм.

– Я хотел бы попросить, ваше высочество, чтобы мощный авангард отправился вслед за русскими, однако не пытался атаковать, – Каранелли был предельно вежлив, стараясь не травмировать маршала еще больше. – Впереди должны идти один-два эскадрона, только они будут изображать атаку. Их задача – добиться, чтобы арьергард русских развернулся и начал преследование. Эскадроны должны отступать до тех пор, пока противник не увидит наши авангардные колонны.

– Это все?

– Вчера были взяты пленные?

– Меньше, чем хотелось.

– Нужны четыре драгунских или гусарских мундира.

Черные брови принца взметнулись вверх, однако он удержался от восклицания.

– Хорошо, найдем. Я распоряжусь. Что-нибудь еще?

– Свежих лошадей, ваше высочество, и...

Капитан сделал маленькую паузу.

– ...я был бы вам очень признателен, если бы вы поняли, что я только выполняю приказ императора.

– Если бы я это не понял, капитан, – подчеркивая пропасть, разделяющую их воинские звания, проговорил Мюрат, – вы бы сейчас разговаривали с моим порученцем.

После восхода солнца, когда туман рассеялся, стало понятно, что день собирается быть теплым и солнечным. Настолько теплым, насколько это возможно в горах в ноябре. Эскадрон гусар по приказу Мюрата стремительным галопом помчался вслед за ушедшим отрядом Багратиона. Сразу за ним скакали четыре всадника без киверов в длинных плащах, из-под которых были видны только сапоги.

Драгунский полк, так и не принявший участия во вчерашней стычке, замыкал колонну русских войск. Французский эскадрон открыл огонь из ружей с трехсот шагов, не особенно заботясь о том, что пули не находят цели. Драгуны, имеющие явный перевес и не наблюдающие других французских войск ближе, чем за версту, бросились в атаку. Словно ожидая первого движения, французы четко и организованно развернулись и помчались в обратную сторону.

Полк преследовал неприятеля осторожно, ожидая засады, но местность явно не позволяла организовать ловушку. В редких немногочисленных кустарниках нельзя было спрятать более десяти человек. Поднявшись на небольшое возвышение, драгуны заметили, что колонна наполеоновских войск движется далеко, может быть, в трех верстах. Проскакав еще с версту, но так и не сократив дистанцию, командир полка приказал возвращаться. Единственной добычей стал гусар, под которым кто-то случайно подстрелил лошадь.

Драгуны догоняли колонну легкой рысью. На той самой возвышенности, где они ожидали засаду, им встретились четыре гусара-павлоградца. Поручик подъехал к командиру и, четко поднеся пальцы к киверу, приветствовал его.

– Князь Багратион просил передать, господин полковник, чтобы вы впредь покидали арьергард только по его приказу.

– Хорошо, поручик, я понял приказание князя. Доложите ему, колонна французов движется в пяти верстах.

– Вы сами доложите, ваше высокоблагородие, это ведь ваша разведка.

Драгуны прибавили ходу и к тому времени, когда полк догнал колонну, никто уже не обращал внимания на гусар, скачущих рядом.

VII

– Мы не имеем права жертвовать собой, Анри! Ценю твой порыв, но император требует от нас другого. Гибель русских полководцев должна быть загадочной и непонятной. Или естественной, если идет сражение.

Каранелли говорил очень тихо. Хотя французская речь между двумя русскими поручиками не могла вызвать серьезного подозрения, он не хотел, чтобы кто-нибудь услышал ее содержание.

– Может показаться странным, но твою жизнь император ценит не меньше, чем жизнь маршала. Маршалов у него больше, чем таких, как ты, специально обученных лейтенантов. Потому не пойдешь и не застрелишь Багратиона из пистолета. Сегодня мы будем стрелять с такого расстояния, с которого не слышен выстрел.

Но дело не заладилось с самого начала. Почти сразу «гусары» чуть не наткнулись на «свой» Павлоградский полк. Два часа маневрировали по арьергарду, но безуспешно – незаметно пройти мимо павлоградцев не удавалось. Наконец разведка донесла, что корпус Мюрата остановился и стал поджидать подхода главных сил. Измотанный вчерашним боем отряд по приказу Багратиона тоже встал на небольшой привал, и здесь Каранелли смог проскользнуть в авангард. Еще через час четверка заняла удобную позицию.

С небольшого холма участок дороги в сотню шагов хорошо смотрелся на фоне рощи. Расстояние гарантировало, что звук выстрела не привлечет внимания. Однако Каранелли вел себя предельно осторожно. Лошадей отвели в лощину с узеньким ручейком, который можно перейти, не замочив ног, и оставили под присмотром рядового, одетого в форму русского подпрапорщика. Офицеры начали собирать штуцер.

Сначала ружье зарядили, засыпав точно отмеренную дозу пороха. Продолговатая свинцовая пуля заняла место в нарезном стволе. Потом его удлиннили почти до сажени, скрутив все три части. Металлическое пустотелое цевье встало на треногу, собранную из деталей, привезенных в заплечных сумках. Каранелли аккуратно установил на специальных захватах над стволом подзорную трубу, посмотрел в нее, подправил положение ружья на треноге. Проверил кремнь, заменил на новый, вновь посмотрел в трубу. Казалось, все проблемы решены: группа пробралась к русским, найдено хорошее место для засады, никто ничего не заподозрил. Проблема только в том, что попасть с такого расстояния казалось совершенно невероятным. У Луи начало тихонько зудеть плечо. Легкая боль напоминала о сотнях выстрелов, сделанных в карьере под Парижем.

Капитан приладил к плечу специальную подушку, снова припал к штуцеру, посмотрел в трубу. Далекая кленовая роща стремительно приблизилась, и, глядя на темно-серые стволы, Каранелли не сомневался, что узнает Багратиона, когда тот появится на дороге.

Хотя дозорные постоянно докладывали, что французы по-прежнему стоят в семи верстах и не собираются двигаться дальше, Багратион после двухчасового привала поднял отряд, и ускоренным маршем русские двинулись к Цнайму, чтобы догнать армию Кутузова. Московский драгунский полк, как и до привала, шел в арьергарде и должен был первым принять бой, если французы надумают атаковать колонну. Но, обычно досаждающая отступающим русским, кавалерия Мюрата на этот раз вела себя скромно. Если не считать бестолкового утреннего демарша, то можно было совсем забыть, что враг рядом. Николай относил это на свою невезучесть. Раз уж с самого начала все пошло наперекосяк, то так и будет до конца кампании. Там где он – война затихает.

Необычное поведение французов озадачило не только Данилова. Сам командующий отрядом, князь Багратион, прибыл в арьергард.

– Что разведка докладывает? – спросил он командира полка. – Как там французы?

– Все, как прежде, ваше сиятельство, – ответил поджарый бравый полковник, – на месте Мюрат топчется. Видать наелся вчера свинца да картечи.

Командующий кивнул, задумчиво глядя на юго-запад, где сейчас находилась наполеоновская армия. Затем повернул лошадь и молча поехал по обочине рядом с идущим в колонну по три полком. Командир полка следовал за ним. Ему хотелось что-то сказать, но он так и не решился потревожить мысли Багратиона.

– Что же задумал Мюрат? – тихо, как бы самому себе проговорил князь.

Он остановился и снова взглянул в сторону пустующей дороги. Данилов в это время как раз проезжал мимо и отчетливо слышал его слова.

– Ладно, полковник, докладывайте немедленно, если узнаете что-нибудь подозрительное. Или странное.

И, не дожидаясь ответа, стремительно поскакал к началу колонны. Именно в тот момент, когда Багратион тронул поводья, несмотря на топот лошадей всего полка, Данилов услышал свист. И следом негромкий щелчок, похожий на удар пастушьего хлыста.

То, что на войне летают пули, нельзя назвать чем-то удивительным. Но они должны лететь, когда ими выстреливают. А вот выстрела никто не слышал. Данилов почувствовал, что постоянно ускользающая мысль, преследующая его со смерти генерала Шмита, опять вертится в голове и вот-вот должна оформиться в какую-то догадку. Забыв обо всем, Николай покинул строй и подъехал к высокому клену, около которого несколько секунд назад стояли князь и командир полка.

– Что случилось, корнет? – командир эскадрона, длинноусый красавец майор с усталым выражением лица, приблизился к Данилову. – На привале времени не хватило? Нужда замучила?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Пуля!

– Что?

– Я слышал, в дерево ударила.

– Откуда? – майор явно разволновался от бестолковости подчиненного. – Откуда могла прилететь пуля?

Командир эскадрона, чуть приподнявшись в стремях, широким жестом показал в сторону альпийского луга, далеко простирающегося с противоположной от рощи стороны дороги. Ровное поле, на котором могла укрыться только мышь, тянулось к горизонту, где стояло несколько поросших кустами холмов.

– Мерещатся, что ли? Вернитесь в строй, корнет!

Майор, не дожидаясь исполнения приказа, поехал дальше, бормоча под нос:

– Понабирают юнцов, мамкино молоко на губах не обсохло...

И тут Николай замер. На соседнем дереве, стоящем рядом с тем, которое он рассматривал, красовалась небольшая, с вершок, свежая царапина. Данилов хотел окликнуть командира, но, вспомнив его последние слова, не стал этого делать. Николай обернулся. Глядя на ровную, покрытую травой землю, он, сам того не замечая, повторял фразу майора:

– Откуда? Откуда могла прилететь пуля?

Предчувствие, что сейчас, именно сейчас он поймет нечто очень важное, мучившее его несколько дней, заполнило Данилова. Взгляд бесцельно шарил по горизонту, но уже ничего не искал, потому что Николай неожиданно понял, что вопрос, который он непрерывно твердил, ничуть не меньше подходит к совсем другому событию – гибели генерала Шмита. А откуда смогла прилететь та пуля? Вот что мучило Данилова все эти дни! Пуля, ударившая в левый висок генерала, тоже прилетела ниоткуда! Там, слева от него не было и не могло быть никакого боя. Выходы скал и колючий кустарник начисто исключали такую возможность.

Теперь, когда Николай понял, что стал свидетелем уже двух пуль, появившихся прямо из воздуха, ясности не прибавилось. Но ему вдруг показалось, что он находится рядом с какой-то тайной.

Еще раз внимательно взглянув на альпийский луг, на дальние холмы, Данилов пустился рысью занимать место в строю.

VIII

– Я промахнулся, мой император!

– Не знал, что ты умеешь промахиваться. Помню, когда проверяли первый штуцер, ты положил всю дюжину пуль на восемьсот шагов.

В комнате особняка, отведенного под резиденцию Наполеона в Цнайме, где происходил разговор, было тепло. Дрова горели в камине ровно и ярко, изредка щелкая и выбрасы-

вая маленькие угольки. Император сидел за столом в массивном дубовом кресле. Луи по его предложению занял стул с высокой резной спинкой.

– Это была неподвижная мишень.

– Но ты неплохо стрелял и по той, что тащили на веревках.

Каранелли помнил тот день, когда Наполеон приехал в Фонтенбло после полудня для инспекции учебного батальона егерей. К вечеру, оставив свиту во дворце, он усакал в замок, где частично располагалась специальная пионерная рота. Его сопровождал порученец и два помощника капитана – те самые лейтенанты, что сегодня ходили в русские тылы. Бонапарт тогда лично опробовал штуцеры. Он стрелял в мишень на пятьсот шагов и попал шесть раз из десяти. Его порученец, адъютант-майор Императорской гвардии Шарль Перментье, один из лучших стрелков Франции, стрелял из именного ружья и смог загнать в мишень только четыре пули. А потом за дело взялся Каранелли. Он установил на штуцер подзорную трубу и двенадцать раз подряд выбил щепки из мишени на восемьсот шагов. Император второй раз стрелять не стал, плечо сильно болело, несмотря на специальную подушку под приклад – отдача у штуцера была нешуточной. Адъютант-майор промахнулся четыре раза и набил с непривычки окуляром трубы большой синяк под правым глазом.

– Мы ведь не будем никому рассказывать капитан, что мой порученец проиграл состязание в стрельбе? Это ведь не совсем честное соревнование, он стрелял из чужого ружья?

– О, конечно, ваше величество! Адъютант-майор вообще первый раз стрелял из оружия такого типа. И прицел для него уж очень непривычен, – пряча невольную усмешку, которая возникала на губах, стоило лишь взглянуть на глаз порученца, отозвался Луи. – Уверен, стоит немного потренироваться – результаты будут лучше.

– Вот и отлично, надеюсь, не в ваших интересах, мой друг, рассказывать об этой маленькой схватке в стрелковом искусстве, – император пристально смотрел на порученца, – будьте добры сегодня за ужином рассказать товарищам смешную историю о том, как вы случайно получили этот синяк.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Теперь вы, капитан. Неделя на подготовку. Сколько у вас штуцеров?

– Десять.

– Оставьте здесь только один. Роту передадите заместителю, пусть работает дальше по намеченному плану. Через неделю получите приказ о переводе на должность моего адъютанта. Некоторое время вы нужны мне под рукой.

Император обращался на вы, и Каранелли понял, что это специально для порученца. С тех давних пор, когда их дома разделял только один не очень высокий забор, Наполеон говорил ему «ты».

– Вам, майор, необходимо придумать, где разместить лейтенантов и десяток солдат. На них тоже подготовите приказ. Они должны быть всегда рядом с капитаном. Подберите помещения, организуйте охрану, чтобы можно было хранить амуницию.

Наполеон легко вскочил на лошадь.

– Пусть ваши лейтенанты проводят меня до Фонтенбло. До встречи через неделю, капитан.

Офицеры вернулись поздно ночью. Адъютант-майор скрупулезно выяснял все, что понадобится маленькому отряду, ни разу не задав вопрос «для чего» или «зачем». Каранелли понял, что отряд ждет проверка оружия в бою.

Пришедший через неделю приказ гласил, что капитан Каранелли переводится адъютантом по особым поручениям при императоре Франции. Дюжина солдат и офицеров получили назначение расквартироваться в казармах Императорской гвардии и ждать распоряжений.

Прошло несколько месяцев, вместивших столько разных событий, сколько может вместить только война. Разгром австрийской армии под командованием Мака, преследование русской армии, охота на Багратиона и Кутузова. А сейчас капитан стоял перед императором, докладывая, что удача сегодня опять отвернулась от французов.

– Не повезло. Багратион стоял, разговаривая с другим офицером, но когда я выстрелил, он прищипил коня. Пуля летит долго. Простоял бы еще мгновение – не было бы промаха. Готов понести любое наказание.

Наполеон чуть насмешливо смотрел на капитана и медлил. Пусть попереживает, ему полезно. Император хорошо помнил, что неудачи только укрепляют характер настоящих солдат.

– Это не так. Был приказ проникнуть в тыл к противнику. Был приказ не допустить, чтобы штуцер попал в руки русских. Был приказ не раскрыть себя, не попадать в плен, даже если придется застрелиться. И было пожелание, – Бонапарт нажимом выделил последнее слово, – произвести точный выстрел. Я не сомневаюсь в твоей храбрости, но мне нужна осторожность. Ты знаешь, почему не будут выпускаться дальнобойные штуцеры в таких количествах, чтобы ими вооружать целые полки?

– Иногда мне кажется, что это было бы правильным решением.

– Нет, неправильным. Во-первых, это безумно дорого. А во-вторых, если я вооружу таким оружием полк, то после первой же стычки оно может попасть к противнику. И через полгода такие же батальоны будут у немцев, австрийцев, русских, шведов. Изменится вся картина на поле боя. Командующий не сможет занять удобное место под наблюдательный пункт. Сразу же на него обрушится град пуль. Полки и батальоны станут ходить в атаку без командиров, их будут отстреливать прицельно, как это делал ты под Ульмом.

Там, под Ульмом, капитан в очередной раз убедился в прозорливости императора, который не жалел сил на создание специального отряда. Он приказал занять позицию в ста пятидесяти шагах позади егерского полка. Между полком и отрядом Каранелли стоял батальон Старой гвардии, которым на этот раз командовал адъютант-майор Перментье, тот самый порученец Наполеона, с которым капитан соревновался в стрельбе.

Окруженные австрийцы двинулись в прорыв на позицию егерского полка. Под барабанный бой, сомкнутым строем резервная дивизия шла вниз по длинному пологому склону, и трудно было представить, как полк сможет устоять.

Каранелли открыл огонь с семисот шагов. Он и два лейтенанта, мало уступающие капитану в точности стрельбы, стреляли в очень высоком темпе, потому что на каждого приходилось по три штуцера, которые сразу после выстрела солдаты меняли на заряженный. Команда работала очень слаженно, стрелкам не приходилось ждать. Цели – офицеры, знаменосцы. К моменту, когда австрийцы бросились в штыковую, дивизией командовали капитаны. Егеря стояли насмерть. Может быть, наличие Старой гвардии за спиной придавало силы?

Команда Каранелли успела расстрелять почти все заряды, когда адъютант-майор рысью подъехал к отряду.

– Немедленно уходите, капитан!

– Вы же остаетесь?

– Мы здесь, чтобы обеспечить ваш отход.

– А разве не для того, чтобы помочь егерям? Вы не будете им помогать?

– Нет! До тех пор, пока вы здесь, у нас связаны руки. Уходите.

Несколько групп австрийцев прорвались сквозь оборону егерей, но позже были уничтожены или взяты в плен французскими кирасирами, подоспевшими к месту схватки. На короткое время маленькая команда Каранелли, оказалась между двумя неприятельскими отрядами. Капитан отступил к озеру, занял оборону и начал топить штуцеры и прицелы,

предварительно разбирая их. Приказ – на то и приказ, чтобы его выполнять беспрекословно. К тому моменту, когда подоспели кирасиры, детали шести штуцеров уже валялись на дне небольшого, но глубокого озера. Отряд потерял восьмерых солдат. Но главное, в живых остались офицеры – Анри Фико и Доминик Левуазье. И двое солдат: Николя Сен-Триор, вольтижер из первого набора, и его брат, Люка.

Сейчас император вспомнил о том первом боевом применении нового оружия. Капитан решил, что настало время возразить.

– Простите, ваше величество, но артиллерийские снаряды летят даже дальше, чем пули из дальнобойных штуцеров.

– Выкатывать на позиции орудия намного сложнее. Просто несоизмеримо сложнее. Так далеко картечь не улетит. Нет, Луи! Изменится сама тактика боя, стратегические построения войск. Изменяются сами армии. И еще неизвестно, кто сможет лучше этим воспользоваться. Так зачем Франции революция в военном искусстве? Ее армия самая сильная в мире. Такие резкие изменения дадут шанс слабым. А того, что есть, сейчас у нас вполне достаточно, чтобы оставить наших врагов без лучших командиров. Самое главное – сохранить в секрете наши достижения!

Бонапарт немного помолчал, будто собирался с мыслями.

– С завтрашнего дня в армии будет сформирована специальная рота снабжения штаба Великой армии и Императорской гвардии. Та, о которой мы говорили. Командовать будет хорошо известный тебе Перментье. Ты можешь первым его поздравить, тем более что будешь назначен к нему заместителем.

Каранелли даже бровью не повел, внимательно слушая. Он уже догадался, куда клонит император.

– На самом деле ваши обязанности поделятся так: ты будешь заниматься теми же делами, что и прежде, он прикрывать тебя. Решать все хозяйственные вопросы, обеспечить надежную охрану от любопытных глаз. Кроме того, он действительно будет заниматься некоторыми вопросами снабжения, чтобы деятельность роты не показалась слишком странной.

Император поднялся с кресла, прошелся по комнате и остановился около камина. Потом повернулся к вскочившему капитану.

– Главным, разумеется, будешь ты. Твои просьбы станут равносильны приказу. Но никогда и нигде нельзя прилюдно показывать, что майор подчиняется тебе. Это понятно?

– Да, ваше величество. А не трудно ему будет? Он показался мне человеком гордым. А тут вдруг беспрекословно подчиняться младшему по званию...

– Он знает твое настоящее звание. Все, что сейчас находится под Парижем, передислоцируется в состав в роты. Там останется лаборатория, которая будет работать на тебя. Командовать ею будет твой «алхимик».

– Лейтенант Жак Бусто!

– Да. Завтра он привезет новые образцы оружия. Поможет вам его освоить и вернется в Париж.

– Могу я узнать какие?

– Можешь. Завтра. После твоего отъезда в лабораторию по моему приказу прибыли два химика и три ювелира.

– Ювелира? – Луи не смог скрыть удивления.

– Да. Прошло всего четыре месяца, а они добились результатов, хороших результатов. А сейчас иди отсыпайся, а то уснешь, как лошадь в стойле, около моего стола.

IX

Командир эскадрона Андрей Чардынцев с отвращением смотрел на рапорт. Терпеть он не мог всякие бумаги, а уж те, что от подчиненных, просто приводили в бешенство.

В свои тридцать он достиг всего, о чем мог только мечтать лет пятнадцать назад. Младший сын разорившегося рязанского помещика вовремя понял, что продолжать борьбу за возрождение некогда цветущего поместья вместе с двумя старшими братьями не имеет смысла. В молодости отец состоял на военной службе, принимал участие в Русско-турецкой войне, в семьдесят первом году командовал ротой гренадеров в батальоне Михаила Кутузова. Раненый в битве при Ларге, поля боя не покинул, продолжая командовать солдатами до тех пор, пока не потерял сознания. За этот подвиг был награжден орденом Георгия четвертой степени, но в армии остаться не смог из-за тяжести ранения. Оставив военную службу, Василий Чардынцев вернулся в поместье, приносящее в то время немалый доход. В Рязани на ярмарке познакомился с учительницей и, женившись на ней, привез к себе. Красавица Настя родила Василию троих сыновей. Четырнадцать лет счастье не покидало дом Чардынцевых, но все кончилось в одночасье. Настя простудилась холодным февралем восемьдесят шестого и, проболев всего неделю, умерла. Ни уездный доктор, ни специально выписанный из Рязани ничего поделать не могли.

Василий с горя запил так, что иногда неделями не выходил из своей комнаты. Рачительного хозяина и заботливого отца будто подменили. Казалось, его уже ничего не интересовало. «Зачем все это, если ее уже нет?», – часто повторял он, проливая пьяные слезы над портретом Насти, нарисованным лет десять назад заезжим московским художником. Умер Василий через пять лет, тоже в феврале – вылез из окна в одной рубашке да и замерз в сугробе.

Старые боевые друзья Василия, достигшие немалых высот в воинской службе, не отказали в просьбе его младшему сыну.

Братья с облегчением вздохнули, когда Андрей сообщил, что едет учиться в Санкт-Петербург в Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус. Благословили на правах старших, собрали на дорогу более чем скромную сумму да проводили в уездный город. А что не горевали на прощание, так с чего бы это вдруг? Все понимали, что так лучше, мальчишка будет сыт, одет, обут да еще и при деле.

В Санкт-Петербурге Андрей быстро понял, что гувернер, который последние годы чаще пил с отцом, чем разговаривал с его детьми, многое не успел объяснить. Сначала над Андреем смеялись, но он сумел постоять за себя. К счастью, в военном деле многое можно заменить обычной храбростью, которой у него оказалось в избытке. Карьера пошла успешно, но, достигнув должности командира эскадрона, Андрей, человек от природы неглупый, понял, что дальнейший рост вряд ли возможен. Слишком уж он не любил бумаги, без которых не мог существовать полковой штаб. Вот и теперь, глядя на рапорт корнета, написанный красивым почерком, чувствовал, как тихо поднимается ненависть к юному щелкоперу. Этот-то с бумагами живет дружно! Вон, целый лист накрапал! Знаем мы таких борзописцев! Годик в полку потрется, а потом в штаб, бумаги эти проклятые переключать! Сначала в полковой, потом в дивизию подастся. А там, глядишь, и в штаб корпуса генералом. Ну я ему сейчас покажу, откуда пули должны лететь!

Данилов вышел от командира эскадрона с пунцовыми щеками, глотая комок незаслуженной обиды, колом стоящий в горле. Только бы не разреветься! Он хотел всего лишь, чтобы все поняли, что Шмита убили «неправильно», свистнувшая у рощи пуля ему не почудилась, а значит, летают они «ниоткуда», выцеливая генералов. А получилось, что он паникер, что молоко на губах не обсохло, что сразу после Пажеского корпуса начал тереться около генералов и что не мешало бы ему почаще креститься. Никогда! Никогда больше не

станет он писать рапорта начальству. Все переврут, все наизнанку вывернут да еще и виноватым сделают.

Х

Каранелли был очень рад встрече с Жаком. Этот невысокий веселый гасконец, кучерявый, с черными живыми глазами, всегда создавал отличное настроение у собеседников. Несмотря на обманчивую внешность, которая скорее подошла бы пастуху или крестьянину-виноделу, он являлся главным оружейником команды Луи. Изобретатель, конструктор, инженер. Выпускник Специальной Императорской военной школы в Сен-Сире, отличный знаток огнестрельного оружия и всего, что с ним связано, Жак Бусто в компании офицеров смотрелся инородным телом. Лейтенантский мундир на андалузском быке сидел бы более элегантно, выправка сына полка могла считаться идеальной в сравнении с выправкой полнеющего Жака, короткая шпага, непонятно каким образом постоянно умудрялась висеть горизонтально, отчего всегда казалось, что у него растет маленький тоненький хвост. Невозможно представить, но лейтенант в темноте гасил свечи выстрелом из пистолета за пятнадцать шагов, целясь через зеркало.

Капитан не виделся с Жаком более полугода. Придумав какое-то новое ружье, лейтенант за три месяца до отъезда Каранелли отправился в Париж, где изготавливал необходимые детали. Вернулся в замок он уже после того, как командование там принял Арменьяк. Что удалось Бусто сделать за это время, сильно интересовало капитана.

– Дружище, – обнимая Жака, радостно говорил Луи, – как я скучал по тебе! Сгораю от нетерпения, хочу узнать, что нового ты привез мне.

Капитан разговаривал с только что прибывшим вместе с обозом инженером, отнюдь не как командир с подчиненным. Жак, несмотря на то, что, на первый взгляд, производил отталкивающее впечатление, умудрялся стать всем, кто его узнавал поближе, хорошим приятелем. Каранелли он был другом.

– Могу показать последнее изобретение. Думаю, оно последнее в прямом смысле слова. Мне сказали, что теперь я буду командовать взводом гренадеров Императорской гвардии, учить их строевой и водить в атаку.

Луи весело засмеялся, представив на секунду несуразную фигуру Жака перед строем гвардейцев.

– Не беспокойся, дружище, командовать ты по-прежнему будешь инженерами и мастерами, а также склянками, клистирными трубками, растворами, железками и своим животом.

– Живот не тронь, ему и так пришлось несладко во время перехода. Кстати, не пора ли обедать?

Капитан снова засмеялся. Хотя ноябрьское солнце поднимается поздно, но нельзя же устраивать обед сразу после восхода!

Подошел Арменьяк. Они обнялись с Каранелли.

– Командир, готов доложить о проделанной работе.

– Позже. Я думаю, основное расскажет и покажет Жак.

– Луи, он просто чудесник.

– Это да.

Пришедший обоз наполовину состоял из имущества, прибывшего из Фонтенбло. Солдаты под руководством Перментье быстро и сноровисто заносили ящики в один из особняков на тихой улице Цнайма.

Почти весь день вновь образованная рота занималась делами хозяйственными, и по мере наведения порядка начала вырисовываться ее структура. Первый взвод отборных гре-

надеров предназначался для охраны весьма немалого имущества. Второй и третий считались экспедиционными, основным назначением которых была перевозка специальных и секретных грузов императора. Четвертый, которым командовал один из химиков Жака Бусто, был задуман как походный вариант той лаборатории, что осталась под Парижем. В роте он значился мастерской для ремонта императорского оружия и карет. И последний, пятый взвод, который возглавлял Анри Фико, находился в стадии укомплектования. Пока в нем на трех лейтенантов приходились два брата-вольтижера, один из которых находился в лазарете. Но подобранные в роту солдаты и офицеры получали дополнительное жалованье за то, что никогда ничему не удивлялись. И, разумеется, не болтали лишнего.

Поздно вечером в мастерской Бусто собралась вся команда. Лейтенант Анри Фико, спокойный красавец, похожий скорее на шведа, чем на француза, светловолосый с серыми глазами, обладал удивительной силой. Каранелли иногда думал, что Анри сможет взбежать на холм с годовалым жеребцом на плечах. Почти год назад Каранелли, Бусто и Фико по приказу императора набрали несколько мастеровых и десять солдат в группу специальных заданий. Чуть позже по протекции самого Наполеона присоединились еще два офицера. Маленький изящный Доминик Левуазье, кучерявый, с тонкими чертами лица, который просто дьявольски владел шпагой. Пятым офицером был Арменьяк, сказочный специалист взрывного дела, тот самый, что оставался в замке за Каранелли, но сегодня прибыл вместе с обозом.

«Как я все-таки рад, что мы собрались вместе! – подумал капитан. – После Рима они мне как родные».

Все офицеры группы Каранелли великолепно стреляли. И часто там, в карьере около Фонтенбло, их дуэли «до первого промаха» заканчивались в сумерках. Но если в стрельбе из штуцера чаще всех выигрывал Луи, то, что касается пистолета, все было известно заранее. Как это удавалось Бусто, понять невозможно. Тем более никогда не видели, чтобы он упражнялся.

– А где остальные, Луи? – спросил Жак. – Долго нужно ждать, чтобы собрались все?

– Люка в лазарете, недавно попал. Остальные уже почти месяц, как под Ульмом похоронены.

– Ах, черт! – Бусто замолчал, словно отдавая дань памяти погибшим. – А что, сильно ранен?

– Нет, Николя пришлось подставить спину под приклад, чтобы отвести русский штык от брата. К несчастью, он все-таки задел шею Люка. Но ничего страшного, дня через три будет с нами.

– Странно это. Погибла половина отряда. А живы только те, кто ездил в Рим.

«А Жак, хоть и не был ни в Риме, ни под Ульмом, тоже родной, – вновь подумал Каранелли. – И, правда, как все странно сложилось».

– И даже все здоровы, – продолжал Бусто, – только Люка немного не повезло.

– Ему повезло в Риме, – отозвался Николя Сен-Триор, – он тогда неделю был лейтенантом, а я только кучером.

– Что поделать, Николя, если ты прирожденный кучер? Тогда мне нужен был четвертый лейтенант. Но дело даже не в этом. Не мог же я доверить карету твоему младшему брату?

Улыбки тронули лица – все помнили, как тщетно пытался скрыть тогда зависть Николя, увидев Люка в офицерском мундире.

– Кстати, о званиях. С сегодняшнего дня и ты и Люка – сержант-майоры.

– Надеюсь, по этому поводу будет устроен хороший обед! – подвел итоги Бусто.

У большого стола, покрытого толстым сукном, на которое поставили сразу четыре канделябра, Бусто демонстрировал то, над чем он работал последние полгода. Лежащее на столе ружье с какими-то необычными рычажками выглядело коротким. Во всяком случае, значи-

тельно короче, чем те штуцера, с которыми приходилось иметь дело последнее время. Подзорная труба, укрепленная над стволом, пожалуй, стала уже привычной деталью оружия.

– Я хотел бы начать с главного! – легко добился общего внимания Жак. – То, на что вы так внимательно смотрите, есть лишь приложение вот к этой вещице.

Бусто извлек из кармана маленький цилиндр, плоский с одной стороны и заостренный с другой. Так, по крайней мере, сначала показалось Луи.

– Вот такой заряд в медной оболочке позволит увеличить частоту стрельбы в десять раз. Это вам не бумажный картуз, господа, изобретенный еще два века назад!

Жак щипцами, неизвестно откуда появившимися в руке, отломил верхнюю часть цилиндра.

– Пуля твердая, бронзовая снаружи. Если сделать бронзовую всю, то получится слишком легкой. Она пустотелая, внутрь заливается свинец. Получается хорошее сочетание веса и твердости. Прошу обратить внимание, господа, нитропорох. Практически не дает дыма, зато в коротком стволе развивает такое давление, что пуля летит даже дальше, чем из длинноствольного штуцера, с которым вы хорошо знакомы.

Бусто остановился, обводя глазами сидящих за столом. Офицеры вместе с Николя, которому только что пожаловали чин сержанта, внимательно вслушивались в слова инженера. В этот момент забывались звания. Перед наукой все равны.

– В нижнюю часть, в донышко заряда, вделан капсюль. Именно он поджигает порох после удара, который наносит боек.

– Что? Какой боек? Где боек? – встрепнулся Лавуазье, испугавшись, что что-то пропустил.

– Чуть позже, Доминик, – успокоил Жак, – сейчас покончим с зарядом и пойдем дальше. У кого есть вопросы, господа?

На столе появилась пригоршня зарядов, извлеченная из широких карманов инженера. Рассматривая один из них, Каранелли спросил:

– Где же их делают?

– Разумеется, здесь, мой друг! Кому еще можно доверить тайну?

– И кто же?

– Они прибывают завтра. Императорские ювелиры.

– Кто? – густые черные брови капитана изогнулись.

– А кто еще? Каждый ведь стоит дороже, чем кусок серебра такого же веса.

Каранелли после этого заявления еще внимательнее стал рассматривать заряд.

– Сколько же зарядов в день могут сделать твои ювелиры?

– Сейчас уже сорок.

– Хорошо, продолжай, Жак.

– Переходим к оружию. Штуцер с усиленным стволом, чтобы не разорвало зарядом из нитропороха, имеет винтовальную нарезку. Проходя через ствол, пуля делает полтора оборота и после этого летит к цели, вращаясь. Не кувыркаясь, а вращаясь вокруг своей оси, что дает ей устойчивость в полете. Тем, кто не понял, господа, завтра я покажу юлу. А теперь самое главное.

Жак поднял ружье на уровень плеч, чтобы всем было хорошо видно. Он дернул за один из рычагов – и конец ствола пошел вниз. Ружье будто переломилось пополам и стало немного похоже на оглоблю. В средней части этой оглобли, там, где ствол только начинался, стал виден его внутренний канал. Лейтенант быстро вставил заряд и поднял ствол в прежнее положение. Раздался отчетливый щелчок.

– Теперь внимание, Доминик, можно просыпаться! Мы сейчас будем говорить про боек! – в голосе Жака зазвучало привычное желание шутить. – Это такая маленькая железка,

которая сейчас касается капсюля. Если по ней ударить чем-нибудь тяжелым, то другим концом она ударит по капсюлю. Все уже догадались, что тогда произойдет?

– Выстрел! – выпалил свежее испеченный сержант и тут же осекся, смущенно глядя на офицеров. На секунду повисло молчание. Потом Каранелли, с явным одобрением глядя на покрасневшего подчиненного, произнес:

– Молодец, Николя! Ты неплохо соображаешь. Только не надо тушеваться! Здесь, в этой комнате, мы все равны. Кроме Жака, разумеется.

Последняя фраза прозвучала с той необходимой долей иронии, чтобы погасить повисшую над столом неловкость.

– Да, именно выстрел!

– Жак, а как ударить по бойку? Нужно будет носить с собой молоток? – со смехом спросил Доминик. – Или у тебя в замке сидит дрессированный клоп?

Вместе с ним засмеялись и все сидящие за столом.

– О, нет! Всех клопов у нас давно вытравили химики! – и, меняя тон, продолжил уже серьезно. – Для удара по бойку применяется арбалет. Там внутри очень маленький арбалет с очень маленьким болтом. Смотрите, как заряжается арбалет.

С большим усилием он потянул еще за один рычаг. Опять раздался щелчок, и показалось, что Бусто с облегчением вздохнул.

– Если вы не смогли дотянуть рычаг до щелчка, отпускать его нужно с осторожностью, иначе штуцер может выстрелить. Теперь же болт удерживается курком, можно спокойно прицеливаться. Сейчас покажу, только сначала разряжу штуцер.

Гибкие пальцы хорошо заученным движением дернули рычаг, переламывая оружие. Кончиками пальцев, зацепившись ногтями за тонкий ободок заряда, Жак вытащил его из ствола.

– На штуцере два прицела. Один – обычный с мушкой в конце ствола. Второй, я называю его оптический, вам тоже знаком. Он немного приподнят, чтобы не мешать обычному. В первый удобно целиться, стреляя на сто-двести шагов. Второй для стрельбы от двухсот до тысячи шагов. В центре прицельной трубки можно увидеть крест, которого нет в подзорной трубе. Он хорошо виден, потому что вставлен в центр прицела между стеклами. Пуля попадет в то место, куда показывает крест, если цель на дистанции в пятьсот шагов. Если стреляете на двести шагов, то целитесь прямо под ноги противнику. На тысячу шагов наводите крест выше кивера.

– Это понятно, скажи, какая получается скорострельность?

– Когда привыкнешь, то сможешь делать десять выстрелов в минуту.

Разошлись далеко за полночь. С утра Луи и Жак довольно быстро нашли удобное место для испытания оружия и после обеда приступили к стрельбам. Из пяти штуцеров, имеющихся у Бусто, к сожалению, два постоянно давали сбой. Остальные пристреляли до захода солнца, потратив около четырехсот зарядов, а единственный пистолет, который Жак собрал буквально по дороге в Цнайм, не желал вести себя, как того хотел оружейник. Каждый третий или четвертый выстрел давал осечку, и Бусто, бормоча под нос невнятные ругательства, что-то подправлял и снова стрелял до следующей. Сержант-майор Сен-Триор помогал лейтенанту, поднимая сбитые кивера и снова вешая их на ветку. Сначала он отходил перед выстрелом в сторону. Потом надоело, и, повесив кивер, стал садиться прямо под ним на поваленное дерево. Ни того, ни другого не смущала дистанция в пятьдесят шагов.

Вечером Каранелли вместе с адъютант-майором был у императора. Выслушав доклады обоих, Наполеон остался доволен и, дав некоторые распоряжения Перментье по организации роты, велел увеличить производство зарядов.

Глава вторая Дорогобуж

I

– Николенька!

Голос мягкий, ласковый, но звонкий, будто колокольчик.

Ни – лень! словно два удара маленького серебряного язычка спряталось в имени.

– Николенька!

И гувернер, седоусый худошавый француз, и нянька, полная, розовощекая, смешливая Марфуша, с раннего утра отпущены в город по случаю воскресения. Отец не едет на службу в Дорогобуж, рядом с которым на берегу Днепра расположено имение.

– Николенька! Пора уже вставать!

Мама! Когда нет Марфуши, она всегда сама приходит в спальню к сыну.

– Или мой юный драгун уже подает в отставку?

Коля прямо подскочил на кровати. Господи, как же он мог забыть! Отец сегодня обещал позаниматься с ним!

Мама смеялась так весело, как умеют только мамы. Очень задорно и совсем необидно. Сидя на кровати, Коленька невольно залюбовался ее волосами: солнечный луч пробился в щель между портьерами, и казалось, что легкая кружевная шапочка из золота надета на голову.

Позавчера, поздно вечером, они вернулись из Смоленска. Отец по делам часто, почти каждый месяц, ездил в губернский город. Сын давно просился, но обычно отец отказывал, а тут вдруг сам предложил. От радости Коля даже не мог уснуть до полуночи. С утра, только рассвет забрезжил на востоке, кучер Федор тронул четверку лошадей – и коляска покатила со двора. После Дорогобужа дорога сначала долго шла по краю большого ровного поля, потом углубилась в сосновый лес. Высокие мощные деревья близко подступали к дороге и, когда налетал ветер, начинали скрипеть, как злые духи из страшной сказки.

К Смоленску подъехали, когда на западе разгорелась ярким оранжевым пламенем вечерняя заря. На ее фоне темные башни, нависающие над Днепром, смотрелись неприступными исполинами. За воротами дорога круто пошла вверх мимо бледно-розового, в подступающих сумерках, собора с пятью золотыми куполами. Город, огромный, во много раз больший, чем Дорогобуж, весь охваченный толстенной кирпичной стеной, высотой более пяти саженей, произвел на Колю очень сильное впечатление. Трудно представить, что такое количество каменных домов можно собрать в одном месте. Высокие, в три этажа (а один даже четырехэтажный!) делали улицы узкими, хотя на брусчатой мостовой легко могли разъехаться два экипажа. По тротуарам, несмотря на вечернее время, гуляло множество людей, а из некоторых окон слышалась музыка.

На следующее утро отец отправился по делам в дом губернатора, к самому Петру Исавичу Аршеневскому, а Коля с Федором поехали кататься. Очарованный красотой раскинувшегося на высоких холмах города, мальчик с радостным изумлением смотрел на лепные узоры домов, украшенные фигурами животных и птиц, белоснежный Успенский собор, вскинувший в небо купола, спящих деловитых ремесленников, огромные повозки с мешками и бочонками, открытые двери многочисленных лавок и трактиров. А стена, окружавшая всю эту красоту, превращала город в сказочную крепость. Именно сказочную, потому что не может быть таких огромных крепостей, у которой от одной стены до другой больше

двух верст! Коля тогда так прямо и подумал – ее построили, чтобы отделить сказку от обычной жизни, размеренно текущей сразу за крепостной стеной в предместьях и слободах.

За ужином Коля робко, с тайной надеждой, спросил: сколько дней еще они пробудут в Смоленске? Ответ отца огорчил: завтрашний день – последний. Но, словно почувствовав состояние сына, добавил:

– Но завтра мы побываем на маневрах.

Этот день разделил Николенькину жизнь на две части – до того времени, когда он увидел драгунский полк, и после. Четкой, ровной колонной маршировали на пустыре около Молоховских ворот всадники в зеленых мундирах. Потом по команде: «Задние две шеренги, приступи!» быстро перестраивались в три шеренги. Вновь строились в колонну и меняли фронт полка. Рассыпались по всему пустырю, но вновь команда: «Стой – равняйся!» собирала драгун в стройную колонну. Потом полк пошел в атаку на воображаемого противника; сначала малой рысью, потом галопом и, наконец перешел на полный карьер. Драгуны летели стремительной лавиной, и сразу всем становилось ясно, что нет такой силы, которая могла бы остановить их.

Мальчишка смотрел на кавалерийские маневры, забыв обо всем на свете. Даже не обращая внимания на отца, глядевшего с улыбкой человека, знающего, какое впечатление может произвести блеск оружия на настоящего, хоть и маленького пока, мужчину.

– Что, папа? – рассеянно переспросил Коля, поняв наконец, что отец обращается к нему.

– А хотел бы тоже стать драгуном?

– А возможно?

– Все возможно, если сильно захотеть.

И вот теперь Николенька сидел в кровати, с ужасом думая, что отцу может показаться, будто сын уже раздумал идти на службу в драгунский полк.

– А где папа?

– С Федором, на конюшне. Готовят лошадей.

Чмокнув в щеку смеющуюся маму, мальчик, в спешке надев штаны, помчался с рубашкой в руках на конюшню. По дороге, едва вылетев в коридор, он чуть не врезался в Порфирича, худощавого пожилого дворецкого, одетого в расшитую золотом ливрею. Тот лишь слегка посторонился, бросив суровый взгляд.

– Доброе утро, Порфирич! – крикнул на ходу Коля. – Я сегодня не буду завтракать!

– Здравствуйте, юный барин! Хочу посмотреть, как у вас это получится.

Но последних слов Николенька не слышал. Выскочив во двор, он засмеялся, радуясь траве, деревьям, солнцу, и помчался к конюшне мимо дворовых изб, где жили три дюжины крепостных, обслуживающих дом и двор.

Когда Коля был совсем маленьким, он очень боялся Порфирича, всегда серьезного до сердитости, не терпящего ни малейшего беспорядка. Но, став старше, понял, а вернее, почувствовал, что дворецкий, у которого не было детей, любит его, как сына. А юный князь, в связи с частыми отлучками отца, стал часто забегать в комнату Порфирича, чтобы обсудить с ним «мужские» вопросы.

Отец встретил Николеньку с виду сурово, хотя глаза смеялись.

– Запомни первый закон солдатской службы – с утра плотно позавтракать, если нет никаких других приказов. Ты получил другие приказы?

– Нет!

– Тогда исполнять первый закон! Марш!

Первые уроки Коле начал преподавать отец, благо сам дослужился, прежде чем получил тяжелое ранение, до чина ротмистра и командовал эскадрой Смоленского драгунского полка. Того самого, который проводил маневры у Молоховских ворот. Потом появился вто-

рой гувернер – немец – большой мастер в стрельбе. Именно он научил Колю стрелять на ходу с лошади. В четырнадцать лет мальчика внесли в списки Смоленского драгунского полка. К тому времени рука его уже уверенно держала настоящий палаш. А из пистолета он почти без промаха попадал в тыкву на ветке в десяти шагах от тропы, по которой летел галопом. Тропинка петляла по лесу, и чаще всего тыква появлялась после очередного поворота. Всадник должен был, не снижая скорости, выхватить пистолет из притороченного к передней луке седла ольстраха и выстрелить прежде, чем тыква скрывалась из виду. С ранней весны до поздней осени юноша купался в Днепре, ходил на все представления заезжих циркачей и пытался в парке возле дома повторить то, что видел, каждый день носил бревно на плечах.

Но не только приемам боя и укреплению тела уделял время Николай. С обоими гувернерами легко находил общий язык, бойко разговаривая с каждым из них на родном для тех наречии. Музыка и танцы, математика и астрономия, пусть очень редкие, но все-таки регулярные поездки в Смоленский общественный театр и представления в родном имении, поставленные крепостными актерами, постоянно окружали уверенно идущего к своей цели юношу.

Как-то раз отец, заглянув в комнату Николая и увидев на столе исписанные листы бумаги, сразу догадался, что в них. Это не трудно, если учесть, что молодому человеку исполнялось через месяц семнадцать. Да и заплывший воском канделябр говорил о том, что долго еще после наступления темноты просиживал за столом сын. Сначала Данилов-старший решил не смотреть, но потом передумал. Отцовского любопытства природа не отменяла. Уговорив себя, что он только хочет проверить собственную проницательность, отец взял в руки лист, исписанный аккуратным почерком. Конечно, это наивные стихи, по-детски неумелые и, разумеется, посвященные юной графине Истоминой. Граф заезжал на прошлой неделе с дочкой, томной красавицей, без малого пятнадцати лет. То, что было написано на листе, потрясло его.

Июньские дожди косые,
Январский снег, апрельская капель,
Осенний лист до одури красивый,
Рассветный лес, туман белесо-синий,
Пейзажи милой родины – России —
И соловья в походном ранце трель.

В голову закралась предательская мысль. А не зря ли он так искусно подтолкнул сына к карьере военного? Может, Россия лишилась прекрасного поэта? Драгун, их полками считают, а поэтов – пальцами на руках.

II

Летом тысяча восемьсот третьего года семнадцатилетний Николай Данилов был зачислен в старшие классы Пажеского корпуса, только год назад реорганизованного в учебное заведение для подготовки офицеров для гвардейских частей.

Санкт-Петербург поразил Николая с первого взгляда. Великолепие дворцов, широченная по сравнению с Днепром Нева, удивительной красоты мосты через Фонтанку и Мойку, огромное количество роскошных экипажей. Но прошло полгода, город стал привычным, и все чаще вспоминались Дорогобуж, город-сказка Смоленск, родное имение. И, как ни странно, Аня Истомина, юная графиня, такая смешная в своих попытках казаться взрослой, опытной женщиной.

Учеба шла великолепно, домашней подготовки оказалось достаточно, чтобы Данилов легко стал одним из лучших учеников, гордостью преподавателей.

Летний отпуск пажа Данилова в родовом имении подходил к концу. Через три дня Николай снова отправлялся в Санкт-Петербург. Скорое расставание уже щемило грудь легкой тоской, однако паж знал, что год – хоть и очень длительный срок, но он пройдет. Непременно. И тогда все сбудется. Он станет корнетом в Смоленском драгунском полку, он женится на Анне, они будут жить в Смоленске, а в свободное время приезжать в имение к родителям. И пусть она пока не знает о его планах, но не случайно же девушка приезжает сюда! Граф, старый друг отца по воинской службе, частенько и раньше бывал в имении, нередко оставался ночевать. Но последний месяц, сразу после возвращения Николая, он стал бывать у Даниловых два, а то и три раза в неделю. И всегда с Анной, у которой для сопровождения отца непременно находился повод.

За год Анюта изменилась – подросла, постройнела, еще более похорошела и собиралась в будущем превратиться в первую красавицу. Любого общества, в котором ей придется вращаться. Но Николай не мог думать о том, кем станет через несколько лет эта девушка. Да и не хотел. Он видел стройную фигурку, каштановые с легкой рыжинкой длинные волосы, темные глаза с поволокой, изящные тонкие руки, длинную шею, точеные плечи, милые ямочки на щеках. Он слушал мягкий с легкой «французской» картавинкой голос и влюблялся. Сам того не понимая, влюблялся безумно, постепенно теряя голову.

Анна, как и любая женщина, даже будучи очень юной, хорошо чувствовала, как постепенно приобретает власть над Николаем, и сладостное чувство доставляло необычайное удовольствие. И заставляло постоянно искать новой встречи.

В дальней беседке на берегу Днепра они сидели вечером, и Николай раздумывал, объяснить ему сейчас или лучше это сделать в день отъезда? Неожиданно подумалось, что Анна ведь может и не приехать! Что тогда? А вдруг они видятся в последний раз? Эта мысль так потрясла его, что он решился.

– Анна... – проговорил юноша и запнулся. Поднял глаза на девушку, словно ища поддержки, но сразу отвел их. – Анна, через три дня мне нужно будет уехать.

– Я знаю...

– Я буду скучать, – решительно перебил Николай.

– Конечно. Если бы и мне предстояло уезжать так надолго из дома, от родителей...

Красавица смотрела на юношу, сдерживая улыбку в уголках губ.

– Я буду скучать без вас!

– Ах, Никола! – воскликнула девушка, жеманно прижимая веер к груди. – Вы забудете про меня раньше, чем доедете до столицы. Впереди у вас Санкт-Петербург, а это не место для скуки. Столичные красавицы быстро развеют вашу тоску, и в голове не останется места для провинциалки.

– Я не забуду вас никогда!

– Все гусары так говорят!

– Я драгун!

– Ах, Никола, какая разница, все военные одинаковы.

Николай обиженно замолчал. Вечная проблема – любовь против кокетства.

Через два дня, вечером накануне отъезда, все в той же беседке он впервые поцеловал Анну, после долгих уговоров наконец уступившую, и решил, что это и есть обещание дожидаться его возвращения.

Отец приехал в один из ясных дней, которые так редки в Петербурге. Весна уже набрала силу, отзвенели ручейки, молодые листочки, пусть еще маленькие, раскрасили деревья свежей зеленью. Даниловы сидели у Невы на лавочке напротив Петропавловской крепости, греясь на теплом солнышке. Отец небрежно вертел трость в руках – после ранения она

присутствовала постоянно, нога не давала возможности обходиться без нее. Но, несмотря на расслабленные позы, разговор шел серьезный.

– Николай, твое решение, мягко говоря, вызывает серьезное недоумение. Объясни!

Данилов-старший отправился в столицу, узнав о подаче прошения сыном внести его в списки Московского драгунского полка по окончании обучения.

– Чего тут непонятного, отец? Уж ты, боевой офицер, должен понять меня первым. Московский полк через два месяца отправляется в Австрию в составе корпуса Кутузова. Хочу послужить царю и отечеству.

– Стремление, похвальное для молодого корнета, но есть еще и традиции. Служить в полку, где служил отец, есть традиция, угодная и отечеству, и царю. На тебя рассчитывают, в полку нужны молодые офицеры.

– Найдутся и другие! Смоленский драгунский – полк отличный, служить в нем за честь сочтут многие.

– Так в чем же дело, сын?

– Благодаря твоим заслугам меня взяли учиться в Пажеский корпус. Теперь ты хочешь, чтобы я служил в полку под командованием твоего друга, в полку, местом постоянной дислокации которого является город, где ты вхож к генерал-губернатору. Я могу что-нибудь сделать сам?

– Сдается мне, что больше всего тебя волнует город.

Николай молчал, упрямо глядя перед собой.

– У тебя появился повод не любить Смоленск?

– Его нельзя не любить.

Отец вздохнул.

– Ладно, хватит ходить вокруг да около. Да, Анна вышла замуж! Да, она теперь живет в Смоленске! И что из этого?

– А ты не понимаешь? Не хочу ее видеть! Не хочу случайно встретиться!

Отец тоже замолчал, главные слова сказаны. Что можно добавить? Но стоило ли ехать за восемьсот верст, чтобы услышать ответ, о котором можно догадаться, сидя в имении? И после длительной паузы все же произнес:

– Но есть же еще Кавалергардский, Конный полки. Может, в кирасиры пойдешь? С твоими результатами в учебе возьмут везде.

– В Кавалергардский? – Николай засмеялся. – Папа, со времен Екатерины туда берут только высокорослых, светловолосых, с голубыми глазами. Не соответствую ни одному из требований.

Голос сына снова стал серьезным.

– Нет, в драгуны, и только в драгуны!

За Невой, словно подводя итог дискуссии, глухо бухнула пушка, отмеряя полдень.

Глава третья Аяччо

I

– Тебя покарает Бог!

Маленький даже для своих шести лет Луи старательно выговаривал слова, стараясь подражать отцу. Хорошо сбитый плотный мужчина в военной форме весело смеялся, настолько забавным ему казался соседский малыш.

– Бог карает только тех дураков, которые в него верят.

– Нет! – малыш готов расплакаться от обиды. – Он карает грешников. Ты грешник, грешник, грешник!

– Нет, Луи, – оказывается, сын Шарля Бонапарта, умершего в прошлом году, знал, как зовут мальчишку, – я не грешник.

Младший лейтенант Наполеон Бонапарт поднял малыша, внимательно посмотрел ему в глаза.

– Скоро все поймут, что между мной и твоим Богом только одна разница – я есть, а его нет.

Луи не смог вырваться, хотя даже попытался укунить руку Наполеона, чем вызвал еще больший смех. Его душила обида. В семье Каранелли, один из предков которых давно перебрался на Корсику из Рима, строго придерживались канонов католицизма. Отец, наверное, просто убил бы Луи, скажи он хоть малую часть того, что говорит сосед. Почему же Бог не карает его?

Лейтенант Бонапарт возвращался домой после очередного собрания в клубе патриотов. Десятилетний Луи встретил его у своего дома. Родители не разрешают с ним разговаривать, но мальчик, сам не понимая почему, частенько поджидал лейтенанта.

– А-а, католик! – поприветствовал усталый Наполеон соседа. – О чем сегодня молил своего Бога?

– Ты еретик!

– Еретик?! А что, мне нравится! Пожалуй, этим именем я буду подписываться! Ты умеешь читать?

– Лучше тебя!

– Это хорошо, что ты не все время проводишь в молитвах, а занимаешься делами, полезными для ума. Может, ты не такой и дурачок!

– Я не дурачок!

– Пока не известно! Хочешь, дам тебе почитать книгу по астрономии? Только если ты сумеешь ее спрятать и никогда не покажешь родителям.

– Не буду читать твою книгу!

– Зачем же ты учился читать? Наверное, чтобы узнать, что написано в Библии? – лейтенант смеялся, иронично и обидно.

– Да, чтобы читать Библию! – Луи почувствовал, что его заполняет злость.

– Священник в церкви читает Библию для неграмотных. Ты не веришь ему?

– Нет! Верю, верю, верю!

– Значит, ты хотел прочитать и другие книги! Так читай!

Маленький мальчик тогда еще не знал, что логика обладает такой неодолимой силой для тех, кто родился с головой. А потому его беспокойный мозг постоянно заставлял искать

встречи с этим противным соседом, который так притягателен в своих крамольных суждениях.

Луи бежал домой через огромное пшеничное поле, стараясь опередить дождь, который должен был вот-вот пролиться из огромных черных туч, наползающих на Аяччо с моря. Но тучи опередили, бежать еще очень далеко, а косые струи ливня уже ударили по полю, пригибая колоски к земле. Луи промок мгновенно, холодная вода нещадно лупила по спине, плечам, голове. Он бросился к одиноко стоящему посреди поля дереву, пытаясь укрыться от беспощадной воды под его густой кроной. Двенадцатилетний мальчишка не знал, что это самое опасное место.

Страшный удар грома одновременно с ослепляющей вспышкой напугал Луи, он закрыл глаза и скороговоркой забормotal молитву. Мальчуган дрожал, как лист на ветру, то ли от холода, то ли от страха, но постепенно до него дошло, что хотя ветер и раскачивал дерево так, что ветки напоминали крылья птицы, с ним до сих пор не произошло ничего ужасного. Молния, возможно, ударившая по стволу, не причинила ему никакого вреда. Да и дереву тоже.

Луи медленно открыл глаза и буквально остолбенел от страха. В двух шагах, прямо напротив лица висел яркий огненный шарик, чуть вздрагивающий и оттого кажущийся живым. Шарик слегка потрескивал и, несмотря на сильный ветер, оставался на одном месте.

Мальчик захотел зажмуриться, но веки окаменели. Он так и стоял с широко раскрытыми глазами, потому что вдруг отчетливо почувствовал, что шарик каким-то странным образом, оставаясь напротив лица, залез к нему в голову.

Недолго повисев, огненное ядро вылетело из-под кроны и стремительно взмыло вверх. Ноги у мальчишки подогнулись, усталость такая, как будто он перебежал это поле пять раз, навалилась железной тяжестью. В голове звучал странный рой слов, фраз и восклицаний. Незнакомых, но абсолютно понятных.

Дома Луи без лишних расспросов растерли настойкой, переодели в сухое и уложили в постель. Засыпая, он вдруг вспомнил, что вчера в порту один англичанин сказал другому длинную непонятную фразу, такую забавную, что все мальчишки закатились от смеха и начали передразнивать их, картавя и ерничая. Странно, но теперь Луи стало ясно, о чем он говорил. Это вызвало удивление, но усталость и тепло взяли свое, и он провалился в сон.

Луи проснулся ночью от догадки, которая посетила его во сне. Он тихо пробрался в пустую комнату, где отец обычно писал бумаги всем нуждающимся в помощи горожанам, и на листе вывел гусиным пером: «Молиться бесполезно, молитвы некому слушать!» Он не знал, почему эта фраза засела в голове. Неожиданно мальчик понял, что в тот момент, когда он увидел шарик, именно молитва, обращенная к Господу, слетела с губ. Шарик ответил ему? Потрясенный, Луи даже на несколько мгновений забыл, что собирался делать дальше. Но, понимая, что днем не дадут закончить начатое, снова написал ту же фразу, затем еще четыре раза. И каждый раз слова на бумаге выглядели по-разному. Мальчишка догадался, что это разные языки, он даже знал, что кроме итальянского предложение написано на английском и французском. Три других языка, на которых столь уверенно крамольный текст положил на бумагу Луи, были немецким, испанским и русским, но пока он этого не знал.

Не очень много времени понадобилось наследнику рода Каранелли, чтобы сообразить, что никогда и никому, даже родителям, даже соседу Бонапарту, нельзя говорить о том, что произошло с ним вчерашним днем. И до поры до времени нельзя показывать вновь приобретенные способности. Иначе беседы со святой инквизицией не миновать.

Соседи поспешно собирались, тринадцатилетний Луи смотрел с порога дома за суетой в соседнем дворе. Жозеф, старший сын в семье Бонапартов, заметил мальчика и махнул ему рукой. Луи подошел, оглядываясь, не видят ли родители.

– Послушай, Луи, – Жозеф говорил быстро и взволновано, – Наполеон просил тебе передать, чтобы ты уговорил родителей собраться побыстрее и уехать с острова.

– Отец даже и слушать об этом не хочет!

– Глупо! Паоли не простит вашей семье соседства с нашей. Твой отец тоже высказывался против него в клубе патриотов. Теперь, когда он взял верх, то обязательно припомнит все.

– Это опять виноват твой братец! Зачем он вернулся в Аяччо с французскими солдатами? Это предательство! Хоть отец и спорил с Паоли, но они вместе хотели свободы Корсике!

– Паоли продан англичанам! Ему плевать на свободу, ему нужна власть над Корсикой.

Командующий артиллерией республиканской армии капитан Бонапарт расставлял батареи. Мятежный Тулон отбил уже не один штурм, пушки английских кораблей составляли серьезную силу. Около одной батареи он увидел Луи, после ареста родителей мальчик покинул Аяччо и стал сыном полка в армии Конвента.

– Что ты здесь делаешь, сосед?

– Учусь военному делу, капитан! – он был нарочито груб.

– Ну и чему научился? Может, поможешь мне? – Бонапарт насмешлив, как обычно, но Каранелли давно привык. – Что нужно делать?

– Сначала весь огонь сосредоточить там! – мальчишка показал рукой в сторону высоты, преобладающей над местностью. – Штурм надо начинать не с крепости, а с того холма. Когда мы его захватим, туда нужно затащить как можно больше пушек. Оттуда они смогут стрелять по кораблям в гавани, и те уйдут, чтобы мы их не подожгли. Тогда можно начинать штурм, только сначала нужно поджечь город брандскугелями. Атаковать колонной в районе гавани – это самое слабое место в обороне.

– Тебе обязательно нужно учиться, Луи! – Бонапарт был ошарашен, мальчишка в точности сказал то, что задумал он. – При первой возможности отправлю тебя в академию.

Бригадный генерал специально выкроил пару часов, чтобы встретиться с сыном полка.

– Луи, я не знаю, когда мы увидимся, но это случится обязательно! Я тебя найду. Нас ждут великие дела, только пока учись! Мне жаль, что не могу отправить тебя сразу в академию, хотя считаю, что ты бы справился. Ну ничего, я тоже прошел через военную школу. Думаю, ты станешь лучшим моим маршалом.

– Совсем не хочу быть маршалом!

Бонапарт был более чем удивлен.

– Не хочешь быть маршалом? А кем же ты хочешь стать?

– Не знаю. Еще не придумана такая служба, что была бы мне по душе!

– Хорошо! У тебя еще есть время придумать. До встречи, Луи!

II

Июльская африканская жара выматывала, высасывала все силы. Руки и ноги будто сделаны из ваты. Совсем не чувствовалась близость воды, хотя Нил – вот он, рукой подать. Сухой ветер пустыни вместо облегчения приносил новые страдания, поскольку казалось, что он вылетал из открытой дверцы огромной печи. Пирамиды вдали словно покачивались в мареве струящегося вверх полуденного воздуха. Восточная армия под командованием Наполеона Бонапарта почти добралась до Каира.

Залпы картечи из ретраншементов косили атакующую колонну генерала Рампона, но она упорно шла вперед. Отряд мамлюков выскочил из укрепления и галопом бросился на французскую пехоту. Пушки смолкли, боясь ударить по своим. Казалось, что сейчас наезд-

ники опрокинут, сомнут, смешают с песком солдат наполеоновской армии, но полки остановились, быстро сомкнулись в каре, встретив противника градом пуль и щетиной штыков. Атака захлебнулась, множество всадников и лошадей буквально в одну минуту устлали телами раскаленный песок. Мамлюки обратились в бегство. Полк французских драгун бросился в погоню, но из-за просчета командира, оказывается, слишком близко к ретраншементу, откуда появился новый отряд наездников. Только что беспорядочно бегущие мамлюки развернули лошадей, и полк оказался зажатым с двух сторон. Капкан еще не совсем захлопнулся, можно отступить назад, к своей пехотной колонне, но тогда пришлось бы пройти перед пушками неприятеля, буквально в полусотне шагов. Именно туда, под картечь орудий, и стремились загнать полк мамлюки.

Командир четвертого эскадрона, схватившись за грудь, выпал из седла. Разгоряченная атакой лошадь потащила по песку, жадно всасывающему кровь, мертвое тело за запутавшуюся в стремях ногу. Лейтенант Каранелли понял, что если сейчас прозвучит команда к отступлению, то жить полку останется несколько минут. Приподнявшись в стремях, он крикнул, насколько хватило голоса:

– Эскадрон! За мной!

Четвертый эскадрон, а за ним и остальные неожиданно для врага бросились во весь карьер в стык между двумя отрядами мамлюков и легко прорвались в тыл к неприятелю. Оказавшись там, где его никто не мог ждать, полк во главе с четвертым эскадроном под командованием взявшего на себя всю ответственность Каранелли, нанес стремительный удар по ретраншементу с тыла, чем многократно облегчил задачу пехотной колонне, идущей в атаку во фронт.

– Почему ты не подавал о себе никаких вестей? Откуда мне знать, что ты здесь? Не могу же я лично быть знаком с каждым офицером Восточной армии!

– Я тоже, – смешинка спряталась в глазах Луи. – А мне откуда знать, что ты тоже здесь?

Резиденция Наполеона в Каире после почти месяца походной жизни казалась сказочным дворцом. Прохлада долгое время сохранялась за толстыми стенами. Каранелли рад снова встретиться с соседом, карьера которого так круто взлетела ввысь, что уже невозможно было представить их прежние беседы во время коротких встреч. Но Бонапарт, лично видевший атаку драгун, узнал, что полк фактически вел безусый лейтенант, а не командир. А узнав его имя, почувствовал даже угрызения совести, что в суете последних лет совсем забыл о соседском мальчишке, который был так симпатичен ему с самого детства. И вот теперь командующий армией принимал лейтенанта, как обычно принимал только своих генералов.

Шутка Луи понравилась Наполеону. Сразу видно, что сосед не в обиде, а что сам не подошел к командующему, так родившиеся на Корсике люди – гордые. Отсмеявшись, он вдруг спросил:

– Примешь командование полком?

– Нет!

– Почему? – Наполеон был изумлен, чего-чего, а такого ответа он не ожидал. – Я видел твой маневр у ретраншемента. Ты, несомненно, станешь одним из лучших маршалов Франции. Может, даже лучше, чем я.

– Ну, во-первых, в полку есть командир.

– Уже нет. С такими маневрами во время атаки ему можно доверить командовать только собственной лошадыю.

– Во-вторых, лейтенанты полками не командуют.

– Ты забыл, в каком звании я был под Тулоном? И чем командовал? Присвоить тебе звание полковника можно за две минуты, но не стану.

Наполеон смотрел с доброй усмешкой в глазах.

– Достаточно майора, а то зазнаешься.

– В-третьих, я не хочу.

– Но почему же?! Ты храбр! Ты умен! Мгновенно принимаешь правильные решения. Решителен. Так почему же, черт побери?!

Командующий взял секундную паузу и, как будто вспомнив что-то, продолжил с ехидной усмешкой:

– Я не сильно оскорбляю твои чувства доброго католика?

Но Каранелли оставался спокоен. Это уже не тот мальчишка, что бросался в драку при одном только крамольном замечании о Боге.

– Мне приходилось читать твои работы, подписанные именем Еретик, – Каранелли ответил ровным голосом, – давно это было. Только теперь, если судить по твоим словам, ты человек набожный. И не сильно тебя обидит, если я скажу, что если бы Бог был, то большей свиньи в этом мире не существовало?

– Ого, малыш! Давно пришел к таким мыслям?

– Когда убили моих родителей. Тогда я и понял, что винить Бога ни к чему, его просто нет. Иначе мир был бы совсем другим. А ты давно пришел к Богу?

– Никуда я не приходил. Просто говорю то, что от меня хотят услышать. Это называется политикой, Луи. Сначала ты говоришь то, что хотят слышать. Потом – что хочешь сказать сам. И тебе внимают, растопырив уши. Можно отправить народ против любого врага, можно послать убивать родителей. Религия – узда и плеть для народа. Погоняй и направляй.

– Вот как? Значит, по этой причине ты стал верить в Бога и служить церкви?

Наполеон помолчал несколько мгновений, но взгляд его стал жестким.

– Я? Служить церкви? Запомни, малыш, во Франции будет только такая церковь, которая безропотно станет служить мне. А Бога, как ты сам уже знаешь, никогда не было и не будет. Но мы отвлеклись. Так почему же ты не хочешь командовать полком, которым уже фактически командовал в самые трудные минуты?

– Хорошо, постараюсь объяснить. Мне жалко времени.

– Не понял.

– Командир полка, кроме того, что водит драгун в атаку, должен заботиться о фураже для лошадей, о пополнении запасов продовольствия для солдат и офицеров, о порохе и пулях, уздечках и седлах. Проводить полковые маневры и участвовать в парадах. И в этом проходит большая часть службы. Мне жаль на это времени.

Бонапарт сидел, задумавшись, глядя куда-то в окно. Потом перевел взгляд на Каранелли.

– Интересно.

Небольшая пауза, командующий, по-прежнему не мигая, смотрел на лейтенанта.

– А зачем тебе нужно время? Надеюсь, не для праздного развлечения? Впрочем, уверен, твой ум вряд ли даст возможность заниматься бездельем.

– Очень хотелось бы понять, как будут воевать через сто лет или двести. Что можно сделать нового в оружии, приемах боя, построении войск, их движении, чтобы сразу получить преимущество над врагом. Что будет использоваться в будущем, что сейчас двинет военное искусство вперед.

Луи поднимает глаза. Бонапарт смотрит серьезно.

– Ты хотел бы заняться наукой?

– Нет, не совсем, для серьезной науки я слишком слаб умом. А вот применять научные достижения так, как еще никто не догадался, – это то, на что мне хотелось бы тратить все время.

– А можешь привести пример? Что-нибудь из тех идей, над которыми ты задумывался? Помасштабней!

Каранелли помолчал несколько секунд.

– Хорошо. Мы можем вступить в бой с неприятелем на равнине, в горах, в песках, в любом месте суши. Мы умеем строить хорошие корабли и можем атаковать корабли противника или крепости и города на побережье. То есть воевать на воде. Так вот, та армия станет самой сильной в мире, которая научится раньше других атаковать с воздуха.

– Смотрю, опыты братьев Монгольфье многим не дают покоя. Разве неудачи Кутелля в Рейнско-Мозельской армии недостаточно? Воздушный шар не может лететь туда, куда нужно. Он зависит от ветра. С горячим воздухом тоже слишком много трудностей, быстро остывает, полет получается коротким.

– Давным-давно корабли тоже не хотели плыть туда, куда нужно. Все зависело от ветра и волн. Сейчас это не так. Летать можно не только на горячем воздухе, но и на холодном газе. Если на железные опилки налить серной кислоты, то выделится водород, который в пятнадцать раз легче воздуха. Реакция идет быстро. С помощью приспособлений можно пополнять запасы водорода прямо на шаре. Шар может находиться в воздухе очень долго, пока не кончатся опилки и кислота.

– Откуда ты это знаешь?

– Мой друг, товарищ по военной школе, стал отличным химиком.

– А ты хочешь стать воздухоплавателем?

– Не только. Я хочу, чтобы у Франции были войска, которые умели бы скакать на лошадях и летать по воздуху, переходить реки под водой и болота, как посуху, неожиданно появляться в тылу врага и так же неожиданно исчезать. Чтобы могли стрелять из ружей дальше, чем из пушек, были надежно защищены от сабельных ударов и штыков.

Наполеон внимательно смотрел на лейтенанта. Потом встал, медленно подошел к окну и задумчиво устремил взор на широкий Нил, неспешно шествующий через Каир к морю. Пауза затянулась. Наконец командующий, что-то решив, повернулся к Луи.

– Жаль, очень жаль, что ты не хочешь стать маршалом. Придется мне оставаться лучшим из них. Но ничего не поделаешь, я еще не знаю ни одного маршала Франции, которого сделали против его воли. Пусть будет по-твоему. Ты знаком с Бертолетом? Он здесь, при Восточной армии.

– Нет! Весь поход ищу возможности поговорить с ним, но безуспешно.

– Теперь у тебя будет много возможностей для разговоров с учеными. И еще. Никому, запомни, никому больше никогда не рассказывай о том, о чем мы с тобой говорили. Пожалуй, стоит подумать над твоими идеями. Только не так быстро, как ты себе представляешь.

Наполеон снова молча прошелся из угла в угол комнаты, размышляя.

– Присваивать сейчас новое звание тебе не стоит. Пусть твой подвиг останется незамеченным командирами. Сейчас это лучше всего. На самом деле все будет не так. Попробуй написать на бумаге, что из известных тебе открытий науки ты хотел бы применить в военном деле. Кто может помочь тебе? Какие средства нужны?

– Хорошо.

– Теперь два слова о наградах. Я тебе должен замок. Напомнишь, когда у меня будет возможность подарить его.

– Не очень ли щедро, Набулио?

Наполеон даже вздрогнул, услышав имя, которым его называли в семье, но виду не подал, что ему это неприятно.

– Надо же как-то возместить тебе сгоревший родительский дом. Тем более, все говорят, что я виноват в этом.

– Нет, виноваты англичане.

– Ты так считаешь?

– Да. Иначе я бы уже давно убил тебя.

Бонапарт смотрел в светло-серые, так непохожие на обычные южные глаза, чуть прищуренные, но не злые. Увидел холодную сталь и понял, что Луи не шутил.

– Что ж, будем считать, мне повезло. Ты вовремя нашел настоящих виновных. У тебя нет больше ко мне вопросов?

– Я больше никогда не буду называть тебя Набулио. Не буду обращаться на «ты». Даже когда мы вдвоем.

– Почему?

– Мне надо привыкнуть всегда говорить только «вы». Боюсь, что скажу не то при твоих маршалах. Получится очень нехорошо.

– Наверное, ты прав, Луи. В конце концов, я на десять лет старше тебя.

– Я не совсем понимаю, зачем нужен Папа. Да, наводить порядок в стране необходимо, но все идет успешно. А провозглашение вас императором объединило французов.

– Это только видимость, Луи!

– Нет!

– Хорошо, согласен. Часть дела уже закончена, но мне нужна коронация и благословление Папы.

– Я начинаю опасаться, мой император, что церковь подомнет вас. И снова захватит власть во Франции. Неужели нельзя обойтись без попов?

– Увы, большая часть Франции религиозна. А насчет захвата власти... Как раз в этом и будет состоять твоя миссия. Пию VI я объяснил его место, которое он безропотно занял. Новый Папа, Пий VII, как мне докладывают, возомнил, что сможет вернуть Болонью и остальные территории, от которых так великодушно отказался его предшественник.

– Это когда одна из колонн нашей армии стояла под Римом? – усмехнулся Каранелли.

– Да!

– Мне нужно будет привести колонну в Рим?

– Нет, Луи. Для этого у меня есть маршалы. Тебе предстоит более серьезная миссия. Папа должен обломать зубы о бригадного генерала с четырьмя адъютантами. Потому что я опасаясь, что Талейран не сможет уговорить его.

– Какого бригадного генерала?

– Ты поедешь в качестве генерала. Твоя задача – убедить его, что мне ничего не стоит отправить на переговоры к Папе самого дьявола. Тебя будут сопровождать четыре лейтенанта.

– У меня, если считать Жака Бусто, их всего два. Только вряд ли он будет мне полезен в этой поездке.

– Я дам тебе еще двух.

– Но, ваше величество, мы же договаривались, что право выбора солдат и офицеров остается за мной.

– Оно и остается за тобой. Если эти офицеры не понравятся, возьмешь других.

Наполеон позвонил в колокольчик и, не оборачиваясь, небрежно бросил появившемуся адъютанту:

– Левуазье и Арменьяка.

Взглянув на двух вошедших лейтенантов в кавалерийской форме, Каранелли просто задохнулся от возмущения. Если одного из офицеров можно считать обычным кирасиром, ничем особенным не выделяющимся, то второй, худенький малыш, скорее походил на мальчишку, сына полка, чем на боевого офицера.

– Он тебе не нравится? – проследив за взглядом Каранелли, спросил Бонапарт.

– Нет!

– Тогда убей его.

– Как – убить?

- Очень просто – достань шпагу и убей!
- Прямо здесь?
- Конечно. Убей или бери в свою команду.
- Ну уж нет!

Каранелли выхватил шпагу и пошел на малыша, намереваясь легонько зацепить его мундир острием. Тот по-прежнему стоял по стойке смирно, пожирая глазами императора. На капитана он, кажется, не обращал никакого внимания. Каранелли ткнул шпагой в район плеча лейтенанта, осторожно, боясь нанести серьезное ранение. Тот флегматично качнулся в сторону, пропуская острие мимо буквально в нескольких сантиметрах. Луи нанес новый удар, уже менее осторожно, но снова не попал.

– Господин капитан, вы можете делать настоящие удары. Судя по вашей стойке, это совершенно безопасно.

Император громко рассмеялся фразе офицера, все так же стоящего перед Каранелли с опущенными руками. Кровь ударила в лицо Луи, и он бросился на лейтенанта, забыв, что тот безоружен. Стремительный выпад, удар прямо в центр корпуса, лейтенант ушел назад и вправо. Еще обманный выпад и рубящий удар в район шеи. Малыш нырнул под шпагу и неожиданно появился прямо перед капитаном, который по инерции двигался вперед, далеко откинув в сторону руку со шпагой.

Каранелли понял, что если в руках у лейтенанта был хотя бы нож, то ему несдобровать. Но через долю секунды противник отскочил и снова замер, опустив руки. Новый выпад с предшествующей обманной атакой, кажется, дал некоторые результаты. Верткий малыш прижался спиной к столу, а значит, не сможет отскочить назад. Куда он теперь? Вправо? Влево? Присядет?

Тщательно подготовив атаку, замаскировав главное движение финтами, Луи четко послал острие шпаги в грудь противнику. Ему кажется, что он сейчас попадет, поскольку лейтенант явно опоздал с уклоном. Увы! Канделябр, стремительно слетевший со столешницы, отвел в сторону шпагу, рожки намертво, словно клещи, захватили клинок. Маленькая, почти детская рука, стальной хваткой держащая ножку, сделала неуловимое движение, и шпага со звоном покатила по паркету.

– А ведь ты проиграл, Луи! – император был явно доволен. – Даже если ты тоже возьмешь канделябр, я не поставлю ни одного франка, что ты продержишься полминуты. Позволь представить тебе – лейтенант Доминик Левуазье, лучший в мире фехтовальщик на канделябрах. Смею тебя уверить, шпагой он тоже владеет превосходно, просто я запретил ее вынимать.

III

– Почему ты не напомнил? Почему мне все приходится делать самому? Это теперь твой замок. Только у меня просьба. Позволь использовать твой замок для государственных целей некоторое время.

– О да! Конечно!

– Здесь будет и штаб, и казарма твоей команды! Здесь же будет стрельбище и фехтовальный зал. Надеюсь, Доминик научит вас по-настоящему владеть шпагой.

Наполеон приехал в огромный замок недалеко от Фонтенбло с очень маленькой свитой вместе с Каранелли.

– Так что с завтрашнего дня перебирайтесь сюда. Я пришлю роту военной жандармерии для охраны. Но давай вернемся к главному делу. У вас ровно месяц на подготовку. Потом ты выезжаешь в Италию в качестве личного посланника императора Франции в чине бригадного генерала. Кстати, это твой настоящий чин, я решил тебе его присвоить, только это

секрет. Когда вернешься, для всех по-прежнему останешься капитаном. А теперь я расскажу, что необходимо сделать в Риме...

Шикарная огромная карета, запряженная шестеркой лошадей, подъехала к резиденции Папы в самом центре Рима в сопровождении двух всадников в форме офицеров французской армии. Еще двое остались в замке на другом берегу Тибра. Послеполуденное солнце заливало ярким светом огромную мощеную площадь. Молодой бригадный генерал вышел из кареты и вместе со спешившимися лейтенантами скрылся в здании.

Утром, сразу по прибытии в Рим, маленькая делегация разместилась на верхнем этаже замка в отведенных покоях. Внушительного размера сундуки занесли наверх. Обходя покои, Луи периодически усмехался, все действительно шло по плану, он был уверен, что Папа не подозревает, что два человека из этой делегации побывали в Риме еще вчера, чтобы подготовить необходимые укомные места.

Замок, расположенный на крутом берегу Тибра, имел глухую высокую стену со стороны реки с маленьким балконом, выход на который шел из покоев, занятых французами. Еще одна стена, смотрящая в сторону далекого моря, тоже не имела окон. Лишь две стены, выходящие во внутренний огороженный двор, имели окна. Внизу под стенами за пределами двора в полнейшем беспорядке в разные стороны торчали металлические заостренные штыри, напоминая густой кустарник. Странный замок, то ли неприступная крепость, то ли тюрьма.

К полудню Каранелли получил уведомление, что Папа Пий VII примет посланника императора через два часа, и, оставив Левуазье и Люка в замке, отправился на аудиенцию. Выходя, он тихонько сказал:

– Ты знаешь, что делать, малыш. Кальций – во втором, а соляная кислота – в третьем сундуке. В золотых сосудах.

Папа принял генерала с явным неудовольствием.

– Мне жаль, что все французские маршалы так заняты, что для отправки в Рим император не смог найти ни одного из них.

– Вы абсолютно правы, Ваше Святейшество. Сейчас Франция стоит на пороге великих дел по преобразованию Европы и всего мира. Мое же поручение незначительно. По велению императора передаю вам письменное приглашение на коронацию, написанное им собственноручно.

Фразы выбраны точно, подчеркивая малую важность поручения, Каранелли указал на собственный низкий статус, а заодно и на незначительность Римской церкви для Франции. Папа все понял, щеки его покрылись краской, вызванной волной негодования. Но посланника это нисколько не взволновало. Он спокоен, как будто не заметил собственной бестактности.

– Хорошо, генерал, я внимательно изучу послание императора и дам письменный ответ.

– Когда мне прибыть за письмом, Ваше Святейшество?

– Завтра к одиннадцати часам.

Понятно, времени, чтобы придумать какую-нибудь пакость, более чем достаточно.

– Кроме того, император Франции, Наполеон Бонапарт, – в голосе Луи звучали торжественные нотки, – велел передать вам несколько слов лично и конфиденциально.

В полутемной комнате с узким, выходящим на север окном, достаточно было взглянуть на покрытые темными коврами стены, чтобы понять, как много людей наблюдало за этой «конфиденциальной» беседой.

«Ну что же, это даже к лучшему, – отметил Каранелли, – теперь ему некуда деваться».

– Ваше Святейшество, – генерал негромко, но четко проговаривал слова, – император понимает, как не хочется вам присутствовать на коронации. Потому велел передать, чтобы

вы не вздумали вертеть жирным задом. Заболеть там или заблудиться по дороге. Не позднее, чем за неделю, вам надлежит прибыть в Париж для подготовки и репетиций. Иначе император сам придет сюда, но только для того, чтобы засунуть этот крест, пока весящий на груди, в уже упомянутую мной задницу. До горла.

Папа был ошарашен. В сумраке слабо освещенной комнаты виднелись его выкатившиеся глаза и стремительно темнеющее лицо. «Не хватил бы удар! – подумал Каранелли. – Тогда придется еще раз ехать к новому Папе».

– Бог покарает тебя!

Пий с трудом сдерживался, чтобы не взмахнуть рукой, отдавая приказ на уничтожение наглеца. Но убить посланника Наполеона в резиденции – то же самое, что подписать себе смертный приговор. Он отчетливо помнил, какая судьба постигла его предшественника, когда, разгоняя толпу во время беспорядков, швейцарские гвардейцы из охраны смертельно ранили французского генерала Дефо. Бонапарт просто сравнивает резиденцию с землей. Вместе с Папой.

– Бог карает только тех дураков, которые в него верят.

Каранелли хотелось засмеяться. Мог ли думать тогда шестилетний малыш, как замкнется этот круг в споре о религии? Что он точь-в-точь повторит слова, сказанные так давно тем противным соседом? Да еще не кому-нибудь, самому Папе Римскому!

Заканчивая аудиенцию, Папа уже овладел собой. Щеки приобрели нормальный цвет, голос тверд и властен, как и надлежит викарию Христа.

– Вам, генерал, следует знать, что в Риме нынче неспокойно. По ночам грабители, коих развелось великое множество, случается, даже нападают на дома, а не только на подвыпивших прохожих.

Превосходно! Это уже почти угроза.

– Не беспокойтесь Ваше Святейшество, у нас достаточно оружия, а пороха хватит, чтобы разогнать всех грабителей Рима. И не только грабителей.

Кардинал Консальви бесшумно подошел к Папе и, глядя в спину выходящему Каранелли, сказал:

– Скоро французские генералы начнут прямо здесь справлять нужду. Неужели церковь должна стерпеть и это?

– Нет. Бог покарает этого еретика! Ты слышал, у них много пороха.

Консальви задумчиво смотрел в сторону двери, за которой скрылся генерал. Потом негромко произнес:

– Напьются и взорвутся на порохе?

– Если на то будет воля Божья.

Ночь набросилась на Рим, словно черная пантера. Еще несколько минут назад падающее за горизонт солнце рисовало бордовую дорожку на воде, а теперь темное южное небо в песчинках звезд накрыло город. Новолуние. День прибытия, а главное, ночь, подобраны лучшим астрономом Франции.

Во дворе замка гигант Фико что-то тихо сказал кучеру, и карета, выехав со двора, быстро затерялась в темноте на улицах города.

– Это даже к лучшему, – произнес кардинал, когда ему доложили об отъезде кареты, – будет кому рассказать, как хорошо мы встретили посланника французского императора.

Немногочисленные охранники заняли посты. Двое – у запертых ворот, двое – у входа в замок, еще один – с боковой стороны, куда выходили окна. Глухие стены не охранялись, они неприступны.

С верхнего этажа раздавался звон стеклянной посуды, громкие пьяные выкрики и невнятное бормотание. В самих покоях все было далеко не так, как можно представить себе со двора. Доминик и Люка уже разложили воздушный шар на балконе и теперь в полной

темноте, на ощупь, доливали в реторту с кальцием соляную кислоту. Многочисленные тренировки в темном подвале замка около Фонтенбло не прошли даром. Офицеры работали в перчатках, покрытых тонким слоем каучука. Шелковый купол, пропитанный черным лаком, медленно вырастал над перилами балкона, наполняясь водородом.

Арменьяк, тот самый, с которым Каранелли познакомил Бонапарт и про которого он тогда сказал, что этому пиротехнику ничего не стоит – взорвать египетскую пирамиду с помощью стакана воды, готовил заряды. У французов действительно много пороха, и они, как и кардинал Консальви, намерены его взорвать. Арменьяк размещал бочонки по всем помещениям и вымерял выложенные на полу сложные пороховые дорожки. Ему нужно было, чтобы все бочонки взорвались одновременно.

Фико и Каранелли занимались самым важным делом – периодически стучали стаканами и орали всякую ерунду в окна. Иногда они начинали горланить песню, и Арменьяк присоединялся, внося свою лепту немилосердно фальшивым фальцетом. На столе лежали десять заряженных пистолетов, хотя Луи считал это ненужной предосторожностью.

– Не полезут они сейчас. Не тот нрав у поповской своры, чтобы в честном бою драться. Они все исподтишка норовят. Вот когда уснем, тогда и постараются пьяных да сонных взять.

Через два часа невидимый шар медленно отделился от балкона и поплыл вдоль реки в сторону глухой стены замка, постепенно набирая высоту. Доминик Левуазье, подвешенный за широкий кожаный пояс, был одет в тонкую черную рубашку и такие же штаны. Из оружия только короткий стилет. Его миниатюрный вес – немаловажная деталь во всей операции, для Фико понадобился бы шар в три раза большего объема. Каранелли, стоя на балконе, разматывал клубок черной тонкой прочной нити, тянущейся к шару. Люка, присоединившийся к Арменьяку и Фико, громко и вдохновенно орал:

– Виват, император!

И снова гремели бутылки, ударяясь одна о другую.

Время приближалось к полуночи, а французы и не собирались прекращать веселье. Но кардинал терпелив. Он успокаивающе положил руку на плечо командира трех десятков солдат швейцарской гвардии, тихо и незаметно прокрадывшихся на территорию замка через потайные двери в стене.

– Не надо сейчас врываться в их комнаты, капитан. Не раньше, чем через полчаса, после того как уснут. И не смейте стрелять. Только прикладами и штыками. Потом взорвите весь порох, который есть у вас и французов.

Каранелли тем временем почувствовал, как уходящая из рук нить дошла до узла, и дважды резко дернул ее. Два рывка в ответ. Доминик дал знать, что понял – длины якоря должно хватить. Пора начинать спуск. Аккуратно он бросил вперед, туда, где должны быть кусты, небольшой якорь с тремя острыми крючками. Тот упал на землю и легко поднялся вверх. Вторая попытка тоже неудачна. Наконец раздался негромкий шелест кустов, в которые попал якорь. Крючки намертво зацепились, и Доминик начал наматывать шнур от якоря на руку, постепенно подтягивая шар к земле. Через три минуты он стоял около кустов, а еще через пять, поднявшись к большому дереву, натянул толстую веревку, которую привязал к нитке Каранелли. Проколота в нескольких местах оболочка шара выпускала остатки водорода.

Арменьяк полз последним, цепляясь за веревку руками и ногами. Задача сложная только для тех, кто боится высоты. Но в темноте все делается на ощупь, испугаться трудно, если нервы в порядке. Он установил жестко два ружейных замка, которые бросят искру в горки пороха после того, как нитки, привязанные к дверям, спустят курки.

Каранелли не видел необходимости ждать, все ясно и так. Группа французов растворилась в ночи.

Без пяти одиннадцать карета генерала, сопровождаемая двумя неизменными лейтенантами, въехала на овальную площадь Святого Петра и остановилась у Апостольского дворца.

Ночью Папе доложили, что французская делегация отчаянно сопротивлялась и взорвала себя вместе с двенадцатью швейцарцами. Потому он на некоторое время потерял дар речи, когда узнал, что наполеоновский генерал идет по коридору. В голове лихорадочно прыгали мысли, – почему он жив? Что скажет сейчас? Что сделает Наполеон, когда узнает о нападении на делегацию? Барнаба Чиарамонти, ставший не очень давно главным католиком Пием VII, в этот момент отчетливо понимал, как незащищен он в этом мире. Как бесконечно далек от него Бог, как бесполезна молитва, когда смертельная опасность в лице французского генерала входила в резиденцию размеренным четким шагом. Ледяная волна страха заполнила грудь Барнабы, и, кажется, что это он, а не его предшественник, как было на самом деле, смотрел из жилых покоев в жерла пушек маршала Бертье.

Генерал был весел. Поприветствовав так и не пришедшего в себя Папу по всем правилам этикета, он вскользь заметил:

– Воздух Италии так способствует здоровому сну. Мы прекрасно выспались сегодня.

Но серые глаза были холодны и внимательны. Взгляд, словно острое клинка, упирался в лицо священника.

– Какой ответ я должен передать императору, Ваше Святейшество?

– Да, – хриплый голос Папы сорвался, – я принимаю приглашение.

Глава четвертая Аустерлиц

I

Наполеон без излишнего рвения преследовал Кутузова после того, как ему удалось ускользнуть из Цнайма. Русские же стремительно уходили, стремясь побыстрее соединиться с идущей навстречу колонной из России, что им и успешно удалось. Под Ольмюцом корпус Кутузова наконец встретился с пришедшими войсками под командованием Буксгевдена. Присутствующие здесь же австрийские полки позволяли собрать без малого стотысячную союзническую армию. Бонапарт, приблизившись к противнику, повел себя нерешительно, словно опасаясь какого-то подвоха. Три императора: француз Наполеон Бонапарт, австриец Франц II и русский Александр I, собрались в одной точке Европы, ведомые каждый своими целями.

Император Франции хотел нанести решительное поражение европейской коалиции, вскормленной на деньги заклятых врагов – англичан. Больше всего он опасался, что русские и австрийцы уклонятся от сражения и продолжат отступление к границам России. В войну в любой момент могла вступить Пруссия, а ее армия в тылу у наполеоновских войск существенно меняла расстановку сил на карте Европы. Победа же, в которой Бонапарт не сомневался, закрепляла превосходство Франции и его личное господство в Старом Свете.

Император Австрии стремился к скорейшему освобождению Вены и намеревался добиться этого штыками русских войск. На свою армию после бездарного поражения Макка под Ульмом, сжавшуюся, как береста в костре, перед тем как вспыхнуть, он рассчитывать не мог. А потому всячески потворствовал честолюбивым планам Александра I.

Молодой русский император, проделавший длинный путь из России, мечтал только о славе. Он и слушать не желал о дальнейшем отступлении, которое предлагал Кутузов. Славы хотелось немедленно. Жизнь нескольких десятков тысяч русских солдат не имела значения. И император отдал приказ Кутузову вести войска вперед, навстречу приостановившему наступление Наполеону.

Первое же столкновение с авангардом французов принесло союзникам уверенную победу. Противник был разбит в пух и прах, захвачен городок Вишау. Это событие привело русского императора в полный восторг. Вместе с ним радовалась и свита. Никто не хотел обращать внимания на то, что авангард французов составлял всего восемь эскадронов, а русских – в десять раз больше. Наполеон умело подыгрывал честолюбивым планам союзников, заманивая их в решительную битву.

Дальнейшее наступление русско-австрийской армии заставило французов поспешно отступить, отдав даже Праценские высоты, господствующие над долиной. Стало ясно, что русские, играющие первую скрипку в войсках коалиции, готовы решительно атаковать ослабленного и неуверенного противника, расположившегося западнее моравской деревни Аустерлиц.

Вечером накануне сражения, в роскошном замке с великолепным парком, главной квартире Кутузова, определенной как штаб союзнических войск, собрались командиры колонн, которым предстояло завтра вести войска в атаку. Багратион, командующий правым флангом, прислал ординарца, который сообщил, что князь не прибудет. Кутузов никак не отреагировал на это сообщение, видимо, ожидал чего-либо подобного. Сам вел себя довольно апатично, а если говорить прямо – просто дремал, сидя в вольтеровском кресле во

время всего военного совета. Он знал, что для победы над Наполеоном нужно отступать. А его заставляли атаковать.

На совете главным действующим лицом был генерал Вейротер, командующий австрийскими войсками. Мужчина среднего роста, подвижный до суетливости, но в то же время личность весьма занудная. Сегодня он успел побывать у обоих государей, выезжал на аванпосты для личного осмотра неприятельских цепей, а также много времени провел в канцелярии, составляя диспозицию. Все эти события заставили Вейротера поверить в собственную значимость, представить себя единственным вершителем судьбы сражения, которое должно было закончиться триумфом русско-австрийской армии благодаря гениальной расстановке войск, составленной им самим.

Около разложенной на столе большой карты с окрестностями Брюнна австрийский генерал читал диспозицию, из которой выходило, что основной удар союзные войска должны нанести на южном левом фланге, где французы были оттянуты в глубь обороны. Их требовалось совсем немного оттеснить к болотам и озерам, захватить деревеньки Тельниц и Сокольников, растрепать южный фланг, затем ударить в тыл войскам, расположенным в центре. Тем самым нанести решающее поражение так называемой Великой армии. Для этого командующему левым флангом, генералу Буксгевдену, выделялось тридцать пехотных батальонов и более двадцати эскадронов гусар и драгун, почти двести орудий. Главные силы предполагалось построить в три колонны, чтобы...

Вейротер бубнил весьма монотонно, однако в глубине души пела песня, подогревая собственное мнение о значении австрийского генерала для судьбы всей Европы. Он небрежно отмахнулся от Ланжерона, пытавшегося сделать несколько дельных замечаний, однако, видя внимательность и сосредоточенность, с которой изучал диспозицию генерал Дохтуров, снисходительно отвечал на его вопросы, повторял название населенных пунктов. Высокий, стройный генерал Буксгевден молча смотрел в карту. Его светлая кучерявая голова иногда вскидывалась, когда он устремлял взор на Вейротера, но через несколько секунд, не найдя ничего примечательного, взгляд опускался вниз. Милорадович, румяный, с закрученными вверх усами, наоборот, смотрел только на Вейротера, ни разу не опустив голову. Остальные генералы вели себя по-разному, но в большинстве своем считали, что наступит завтра – и все станет ясно на поле битвы. А на бумаге всегда все гладко. Кутузов откровенно спал, как может спать только человек, смилившийся, что все происходящее никак не зависит от его воли. Он давно понял, что ему придется на этот раз отвечать за чужие грехи.

В штабе французских войск Наполеон проводил военный совет, как всегда, четко и кратко. Маршалу Даву он поручил удерживать южный фланг, чтобы не допустить прорыва русских. Маршал Удино оставался в резерве, готовый в любой момент прийти на помощь Даву, если напор станет нестерпимым. В центре маршал Султ, которому придавались главные силы, должен дожидаться, когда русские увязнут на юге и бросят туда все резервы с Праценских высот. После этого атаковать центр и, прорвав цепи союзников, подняться на высоты, рассекая вражескую армию на две части. На северном фланге маршал Ланн должен был навязать жесткий бой Багратиону и угрожая перейти в контратаку, при помощи кавалерии Мюрата и пехоты Бернадота связать по рукам и ногам самого опасного генерала в стане союзнических войск.

Около полуночи, уже объехав войска, Наполеон встретился с Каранелли и Перментье, ожидавших разговора с вечера.

– Майор! Вы должны силами гренадеров вашей роты прикрывать группу Луи. В случае опасности дать возможность ей уйти в тыл, даже ценой гибели ваших солдат. А у тебя, любезный друг, на завтрашний день будет очень важная задача. Прошу!

На столе была разложена большая карта местности, не уступающая по точности той, что лежала сейчас на столе в гостиной роскошного замка, занимаемого Кутузовым.

– Я думаю, что из-за занавески, за которой вы просидели весь совет, удалось понять план завтрашнего сражения. Что от тебя требуется, Луи: после того как Буксгевден завязнет в болотах, попытаюсь выбить Даву из маленьких австрийских деревушек, Сульт нанесет удар в центре. Над главными силами союзников возникнет опасность окружения, но если они отступят, то весь успех прорыва в центре будет потерян. Потому нельзя допустить, чтобы ординарец, которого направит Кутузов, передал приказ об отступлении.

Наполеон сделал шаг к столу, указка в руке монарха уперлась в точку на карте.

– На пути у курьера, везущего приказ, – кончик указки заскользил по бумаге, – лежит болото. Круглое, примерно восемьсот шагов. Курьер, конечно, будет скакать по дальнему от нас берегу. Сначала вы пойдете вслед за атакующими полками Сульта, но когда подойдете к болоту, сверните вправо. Здесь легко найти удобную позицию. Еще одно болото будет отделять вас от того сражения, что развернется на южном фланге. Кого ты намерен взять с собой?

– Анри Фико и Доминика Левуазье.

Хотя лучшим стрелком после Луи считался Люка Сен-Триор, командир решил не брать его. Сержант только вернулся из госпиталя и еще не освоил новый штучер.

– Уверен, что троих будет достаточно?

– Я не уверен в двух штуцерах из тех пяти, что привез Бусто. Ему нужно еще неделю, чтобы довести их до полного порядка.

– Что ж! Будем играть тем, что есть.

Наполеон повернулся к адъютант-майору. Перментье догадался, что император ждет вопросов и от него.

– Простите, ваше величество, а разве Буксгевден, заметив, что его окружают, не отступит назад ближе к центру?

– Нет! Это не Багратион. И наша удача, что главные силы ведет Буксгевден. Он не примет решения об отступлении без приказа Кутузова. Больше всего в жизни он боится прослыть трусом.

II

Плотный утренний туман заволакивал низины. На высоком холме около деревни Прац командующий союзнической армией Михаил Илларионович Кутузов, сидя на гнедом трехлетке, смотрел на белую вату, в которую уходили войска навстречу французской армии. Многочисленная свита, окружающая главнокомандующего, располагалась рядом. На левом южном фланге войска уже вступили в дело, частая ружейная перестрелка, подкрепляемая глухим мощным звуком орудий, раздавалась из белесой пелены. С холма ничего не было видно, и Кутузов подумал о том, что знают ли артиллеристы, как наши, так и французские, в кого они стреляют?

На другом холме, носящем название Журань, значительно ближе, чем предполагала диспозиция Вейротера, у деревни Шлапанице, на серой арабской лошади сидел император Франции Наполеон Бонапарт. Как само собой разумеющееся он воспринял начавшуюся почти с рассветом перестрелку справа от себя, там, где войска Даву должны были встретить колонны Буксгевдена. Глядя то на большое медлительное солнце, лениво заползающее на светло-голубой небосвод, то на спускающиеся с Праценских высот русские полки, он выжидал. Туман, который сейчас скрывал выдвинувшиеся вперед батальоны, не только помогал ему, но и мешал. Исход сражения становился непредсказуемым, если главные силы противника на южном фланге смогли бы вовремя отступить. Тогда бы все решали быстрота маневра и удача. Перевес в численности и лишняя сотня орудий могли склонить чашу весов в пользу коалиции. Но в тумане Каранелли бессилен.

Прибывшие в Прац государи Александр I и Франц II выразили недоумение по поводу того, что часть войск, расположенных в центре, еще не начала спуск с высот, выдвигаясь навстречу противнику, стоящему, как они полагали, верстах в десяти. Кутузов, чья интуиция опытного командующего говорила, что Наполеон не может следовать на поле боя той диспозиции, которую представил Вейротер, что он многократно умнее и хитрее этого самодовольного выскочки, выжидал. Командующий не спешил посылать все силы в туман и оставлять господствующие высоты, дожидаясь, пока на аустерлицком поле солнце разгонит плотное белое молоко. Однако приказ императора о немедленном выступлении он отменить не мог. К счастью, солнце именно в это время всерьез взялось за туман, который прямо на глазах начал таять, открывая взору долину.

Император Бонапарт, выждав только ему одному известный момент, молча, не отрывая взгляда от Праценских высот, поднял руку в белой перчатке и подал знак к началу наступления. Маршалы в сопровождении адъютантов и ординарцев рассыпались веером по склону холма, направляясь к дивизиям для исполнения плана императора.

На северном фланге у Багратиона ни союзники, ни французы не начинали боевых действий, ожидая ухода тумана. Но после того как пришел приказ Наполеона к началу атаки, пехотинцы Ланна и кавалеристы Мюрата нанесли удар, норовя пробить брешь в стыке отряда Багратиона и войск, расположенных в центре. Сначала показалось, что им это удалось, но залпы картечью почти в упор умело расположенных батарей, сорвали замысел. Завязался яростный бой со взаимными атаками, с переходом инициативы из рук в руки.

На юге Буксгевден с третьей колонной наступал на Сокольниц. Дважды атака захлебнулась, пехотинцы Даву переходили в штыковую и отбрасывали союзников. Первая колонна под командованием Дохтурова, состоящая из трех сотен казаков, двух рот артиллерии и семи полков, включая и Московский драгунский, шла на Тельниц. Корнет Данилов, привыкший к тому, что судьба в этом походе не дает ему ни малейшей возможности проявить себя настоящим офицером, не поверил ушам, когда командир, майор Чардынцев, во весь голос прокричал:

– В атаку!

Николай скакал вместе с эскадроном, и мысли его лихорадочно неслись, обгоняя галоп лошади. Вот он, тот счастливый случай, когда все переменится в жизни! О том, что жизнь может закончиться раньше, чем перемениться, корнет не думал. Но в этой первой настоящей драгунской атаке, когда стремительно приближалась цепь французских пехотинцев, он не забывал о пистолетах в ольстрахах, о палаше в ножнах, о той линии, по которой нужно направить лошадь. То есть от природы обладал редчайшим качеством – чем опасней складывалась ситуация, тем хладнокровнее он становился, тем четче работала голова, прятались в глубине души и страх, и ярость, чувства, нужные только в отчаянном положении.

Разгоняясь, Данилов вывернул из-за мешающего юнкера и, обгоняя его, помчался, низко пригнувшись к шее лошади, на французского фузилера, поднимающего ружье с прижатым штыком. Понимая, что фузилер выстрелит раньше, чем удастся доскакать до него, корнет мгновенно выхватил левой рукой пистолет и, не целясь, выстрелил. Уроки гувернера не пропали даром, пуля угодила точно в лоб французу, который начал медленно заваливаться на спину, по-прежнему сжимая ружье слабеющими руками.

То, что произошло дальше, удивило даже видавшего виды Чардынцева, который скакал в пятнадцати шагах позади Данилова. Корнет, пролетая мимо падающего фузилера, выронил разряженный пистолет и одним движением, будто смахивая крошки хлеба со стола, подхватил торчащее штыком вверх ружье. Мгновенно ловко перехватил его, слегка подкинув в воздухе, и, как копье, метнул в офицера. Штык пробил грудь француза, а спустившийся от сотрясения курок высек искры, поджигая порох на полке. Выстрел в упор, в уже обреченного офицера произвел на фузилеров, тех, кто видел это, ужасающее впечатление. Фран-

цузы, напуганные дьявольским приемом боя, расступились перед Даниловым, а трое даже, бросив ружья, побежали, не разбирая дороги. Отряд человек в шестьдесят, среди которых был и Чардынцев, следом за Даниловым прорвался сквозь цепь. Здесь командир эскадрона, опираясь на опыт, проявил себя с самой лучшей стороны. Крикнув только одно слово: «Батарея!», он махнул палашиом в сторону французских орудий на пригорке у околицы Тельница. Вслед за ним отряд поскакал по крутой дуге, чтобы ударить по батарее с тыла, а заодно и не попасть под картечный залп в упор.

Шагов с сорока Данилов, который теперь скакал сразу за Чардынцевым, уложил из пистолета капитана, пытавшегося организовать оборону. Стремительно влетевший на позицию отряд вмиг разогнал прислугу, порубив пытавшихся оказать сопротивление. У дальней пушки Чардынцев схлестнулся с артиллеристом, не растерявшимся в жестокой схватке. В руках у француза был банник, с помощью которого он только что заряжал орудие. Но отчаянный солдат взмахнул им, целя в морду лошади, которая резко поднялась на дыбы. От неожиданности майор не удержался и выпал из седла. Хотя в последнюю секунду он успел свернуться калачиком, как это делали цирковые артисты. Удар о землю оказался сильным. Поднялся Чардынцев, слегка оглушенный, недоуменно глядя на пустые руки, поскольку при падении сабля улетела куда-то к зарядным ящикам. Француз уже бросил банник и, вытаскивая тесак, подступал к драгуну.

Данилов летел к орудью с другой стороны, где два канонира с ужасом таращились на его палаши. Один не выдержал и с истошным криком бросился от позиции к деревне по ровному полю, другой замер и, раскрыв рот, стоял с поднятой рукой, в которой ярким селитровым пламенем горела палительная свеча. В доли секунды корнет оценил все: безоружного майора, не пришедшего в себя от сильного удара о землю; лафет орудия и зарядные ящики, мешающие прийти на помощь; решительного артиллериста, вознамерившегося любой ценой убить русского драгуна; остолбеневшего канонира; направление жерла пушки. Еще не отдавая отчета в своих действиях, Данилов слетел с лошади. Инерция несла вперед, и, пробегая мимо канонира, корнет выдернул из его руки свечу, на ходу ткнул ею в запальное отверстие орудия и, споткнувшись о лафетную подушку, врезался в стоящий рядом передок. Ни сейчас, ни в будущем Николай не смог бы объяснить, почему он решил, что пушка заряжена. Ядро, пущенное с расстояния трех шагов, снесло голову храброго француза так, что могло показаться, что она просто исчезла. Канонир повернулся на грохот выстрела и увидел уверенно стоящее на ногах тело без головы и шеи с тесаком в руках. Кровь толчками выплескивалась из-за воротника и текла по зеленой ткани мундира. Не издав не единого звука, прямой, как будто внутри у него был кол во весь рост, потерявший сознание канонир грохнулся на покрытую инеем землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.